

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 10

МАЙ

1926 г.



Содержаніе:

	Стр.
Дикій сѣрый гусь. Разск. Евг. Елачича съ рисунокъ	115
Колтовской дьячокъ. Быль Л. К.	119
Вангъ-Ю и пантера. Разказъ Бранда . . .	123
Маленькій герой. Разказъ Ек. Гаугъ. . . .	127

Праздникъ Русской Культуры :

День Русской Культуры, ст. М. Гофмана	134
Жизнь и творчество Пушкина, ст. Е. Андрусовой	139
Изъ стихотвореній А. С. Пушкина :	
Муза. Изъ поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ“. Цвѣтокъ. Монастырь на Казбекъ. Домовому	145
Памяти Пушкина: Лѣсъ, ст. А.В.Кольцова	147
Одинъ изъ очаговъ русской культуры, статья Валерія Левитскаго	148
Конкурсъ	152
Почтовый ящикъ	153
Объявленія	

Приложеніе: „Дневникъ проказника“ — 10 листь.



Какъ-то разъ лѣтомъ вернулся дядя Котя съ охоты. Мы съ братомъ вышли во дворъ навстрѣчу. Любопытно было узнать, что привезъ онъ съ собою на этотъ разъ.

— Ну, малыши! — крикнулъ намъ дядя. — Живо сюда!

И хотя мы были вовсе не малыши, а уже ходили въ гимназію (братъ мой — во второй классъ, а я — въ первый), мы бѣгомъ бросились къ дядиной коляскѣ.

— Живо! Держите! Этакимъ поживы вамъ и во снѣ не снилось! — и говоря это, дядя вытащилъ изъ-подъ ногъ что-то, завернутое въ пальто.

— Что это? Дядя миленькій, что это? — спрашивали мы наперебивъ.

— Держите, не разворачивайте и несите осторожно въ комнату. Только не смѣйте безъ меня разворачивать! А я сейчасъ!

Осторожно взяли мы съ братомъ этотъ странный пакетъ, осторожно отнесли въ комнату. Очень было любопытно.

— Что это такое? Какъ ты думаешь, Миша? — спрашивалъ я брата.

— Не знаю, Женя. Кажется, что-то живое! — добавилъ онъ.

— Живое? Неужели?

А дядя все не идетъ. Терпѣніе наше пришло къ концу. Но теперь мы твердо знали уже, что въ пальто было завернуто что-то живое. Пакетъ нашъ такъ весь и шевелился. Вдругъ изъ него высунулся клювъ, а за клювомъ и вся голова гуся.

— Гусь! — вскрикнули мы оба.

— Эхъ! Вы уже разглядѣли, шалуны! — сказалъ весело дядя.

Онъ какъ разъ въ это время входилъ въ комнату вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ.

— Ну, разворачивайте!

Осторожно развернули мы пальто, а дядя схватилъ рукою вырвавшася гуся. Это былъ довольно крупный, еще молодой дикій гусь. Весь сѣрый, красивый, онъ съ безпокойствомъ озирался вокругъ и даже два раза пытался уцепиться дядю клювомъ.

Дядя рассказалъ намъ, что онъ плылъ въ лодкѣ по озеру. Вдругъ изъ камышей вылетѣли молодые гуси. Онъ выстрѣлилъ, и одинъ изъ гусей, вотъ этотъ самый, упалъ. Дядя сейчасъ же подѣхалъ къ нему и схватилъ его. Но оказалось, что гусь не убитъ и даже не раненъ, а просто оглушенъ былъ выстрѣломъ.

Какъ бы тамъ ни было, но гусь былъ живъ и невредимъ, и гусь, дикій гусь былъ у насъ въ рукахъ и былъ отданъ намъ съ братомъ «на воспитаніе», какъ сказалъ дядя.

Дикаго гуся посадили въ большую клѣтку, привязали его за лапу и веревками связали ему крылья, чтобы онъ не бился. Смотрѣть за гусемъ и кормить его было поручено старушкѣ-ключницѣ Степанидѣ.

— Ну, Степанидушка, — сказалъ дядя, — смотри за гусемъ. Если съ нимъ случится что, я голову съ тебя сниму! Чтобы жирный былъ онъ у меня! Корми его вволю.

— Ужъ я постараюсь, батюшка, — отвѣчала старушка. — Будетъ жирный, какъ поповскій теленокъ.

И сталъ жить у насъ дикій гусь. Сначала онъ дичился, бился, всего

боялся, но довольно скоро привыкъ и успокоился. По нашей просьбѣ, къ дикому гусю въ клѣтку посадили нѣсколько домашнихъ гусей.

— Чтобы ему не было скучно, — говорили мы.

Каждый день ходили мы къ нему въ клѣтку, угощали его хлѣбомъ, размоченнымъ горохомъ и другими вкусными вещами. Уже черезъ двѣ недѣли онъ настолько привыкъ къ людямъ и къ своей клѣткѣ, что мы рѣшили распустиить ему крылья. Не безъ робости перерѣзали мы однажды подь вечеръ связывавшія его веревки. И оказалось, что ничего худого не произошло.

Гусь быстро бѣгалъ по своей клѣткѣ, иногда сильно хлопалъ крыльями, но въ общемъ велъ себя, какъ и его пріятели — домашніе бѣлые гуси. Къ старушкѣ Степанидѣ гусь совсѣмъ привыкъ. Онъ бѣжалъ къ ней навстрѣчу, вырывалъ у нея пищу изъ рукъ.

— Ну, ну, баловень, — добродушно ворчала на него добрая старушка, — послушай! Вотъ я тебя!

Но гусь нисколько ея не боялся и часто бралъ у нея пищу, отгоняя другихъ гусей. Онъ былъ гораздо сильнѣе и ловче ихъ. Это было видно сразу, хотя ростомъ домашніе гуси были даже нѣсколько крупнѣе его.

Постепенно привыкъ гусь и къ намъ. Онъ былъ теперь совсѣмъ ручной. Онъ такъ внимательно смотрѣлъ то обоими глазами, то однимъ, онъ такъ забавно наклонялъ голову, вытягивалъ шею, такъ довѣрчиво совалъ свой клювъ въ рукавъ, тербилъ насъ клювомъ за уши.

Какъ-то разъ пришелъ дядя провѣдать гуся и остался имъ очень доволенъ.

— Молодчина, сѣрый! Спасибо, племяннички! Какой онъ у васъ жирный сталъ. Замѣчательно! И великолѣпное же будетъ изъ него жаркое!

Но мнѣ съ братомъ слова дяди совсѣмъ не понравились. Хотя дядя и похвалилъ насъ, но мы очень огорчились и забеспокоились. Какъ? Развѣ мы берегли и кормили, и

ласкали, и любили этого гуся только для того, чтобы его зажарили на жаркое?

— Ты слышалъ, Миша? Развѣ нашего гуся зажарятъ?

— Какъ можно! Ни за что! И папа никогда этого не позволитъ!

Мы долго обсуждали вопросъ: — чей же гусь, и кто вправдѣ рѣшать его судьбу? Папа? Мы? Дядя Котя? И такъ полюбили эту славную птицу, онъ былъ такой ручной, такой интересный — нашъ милый дикій сѣрый гусь, что намъ было больно подумать, что въ одинъ день его возьмутъ изъ клѣтки, снесутъ на кухню и тамъ...

А время шло. Мы съ еще большею нѣжностью ласкали нашего сѣраго друга и часами возились съ нимъ. Онъ такъ смѣшно обыскивалъ насъ. Забирался клювомъ въ карманы и доставалъ оттуда хлѣбъ. Такъ смѣшно ссорился онъ изъ-за лакомага куса съ домашними гусями. Они боялись его и всегда принуждены были уступать ему. А мы радовались глядя на него.

Наступала осень. Стало холоднѣе. Посыпались листья съ деревьевъ. Какъ-то разъ стояла прекрасная ясная погода. Было свѣжо, но съ безоблачнаго неба ярко и ласково свѣтило осеннее солнце. Мы провели съ братомъ и отцомъ цѣлый день на полѣ, гдѣ помогали по уборкѣ хлѣбовъ. Вдругъ слышимъ, отецъ окликаетъ насъ:

— Миша, Женя! Смотрите — гуси летятъ.

Мы оглянулись и увидѣли нѣсколько небольшихъ стаякъ дикихъ гусей, которые высоко въ воздухѣ большими кругами летали надъ нами. Они то соединялись въ одну большую стаю, то опять разбивались на мелкія.

— Это они уже на югъ улетаютъ? — спросилъ я.

— Да, — отвѣчалъ отецъ, глядя на гусей, — собираются. Они теперь сбиваются въ стаи, а ночью или завтра вечеромъ полетятъ.

Долго смотрѣли мы на то, какъ плавно кружились гуси въ вышинѣ, долго слушали ихъ крики, и оба невольно вспомнили о нашемъ

плѣнникѣ. Къ вечеру вернулись мы домой. По обыкновенію прошли провѣдать милаго гуся, пошли угостить его размоченнымъ въ водѣ хлѣбомъ.

Мы нашли нашего гуся въ необычномъ видѣ. Онъ съ безпокойствомъ метался въ своей клѣткѣ. бѣгалъ изъ угла въ уголь, тыкался головою въ каждую щелочку, стараясь выбраться наружу. Никогда этого съ нимъ не было. Дали мы ему хлѣба, но онъ даже не тронулъ его. Онъ точно совсѣмъ не замѣчалъ насъ, ничего не ѣлъ. Такъ странно было смотрѣть, какъ въ большой клѣткѣ спокойно гуляли, мирно ѣли пять-шесть домашнихъ гусей, и какъ среди нихъ бѣгалъ, метался въ сильномъ возбужденіи одинъ гусь — сѣрый гусь.

Когда на другое утро мы снова пришли къ гусю, — мы застали то же самое. Гусь нашъ метался, какъ бѣсноватый. Онъ бился грудью объ рѣшетку, пробовалъ взлетѣть, бѣгалъ, ударялся головой и снова билъ крыльями, и снова бѣгалъ изъ угла въ уголь. Что съ нимъ случилось? Онъ ничего не ѣлъ, онъ былъ такъ возбужденъ, такъ дикъ, какъ не былъ даже въ самые первые дни своего плѣна. Часто приходили мы къ нему, а онъ бился все такъ же и даже не смотрѣлъ на ѣду и словно не замѣчалъ, не узнавалъ насъ.

Мы уже собирались ложиться спать. Было довольно поздно. Мы простились съ отцомъ и съ матерью и пошли въ свою комнату.

— Сбѣгаемъ провѣдать гуся! — предложилъ Миша. — Что онъ?

Я сейчасъ же согласился, и мы отправились. Чтобы никого не беспокоить (двери уже были заперты), мы выскочили черезъ окно въ садъ и побѣжали на дворъ. О, какое несбыкновенное зрѣлище ожидало насъ!

Полная луна ярко освѣщала пустой дворъ, нашъ домъ, постройки, деревья. Все было тихо, и только странные громкіе крики неслись откуда-то сверху. Мы подошли къ клѣткѣ нашего гуся. При свѣтѣ луны ясно было видно, какъ мирно



Мы часами возились съ гусемъ.

дремали бѣлые домашніе гуси, и какъ между ними метался сѣрый гусь. Онъ бился крыльями о рѣшетку, онъ вытягивалъ свою длинную шею наверхъ, и изъ открытаго клюва его вылетали странные, дикіе, отчаянные крики. — А тамъ вверху, надъ домомъ и надъ вершинами деревьевъ сада, было ясно видно, какъ летала кругами цѣлая стая дикихъ гусей. Они спустились довольно низко. Хорошо и отчетливо была видна каждая птица, слышенъ былъ взмахъ крыльевъ. Они гоготали, они о чемъ-то съ безпокойствомъ нетерпѣливо кричали, кругами летая надъ нами. Точно звали они, точно убѣждали они. А снизу въ отвѣтъ имъ раздавались отчаянные крики, крики тоски, безсилія и страданія.

Мы стояли, какъ очарованные. Слово это была сказка, сонъ наяву. И вотъ — сколько уже лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! — много пережить я на своемъ вѣку худого и добраго. Но и теперь я отчетливо, ясно помню этотъ осенній вечеръ, словно это было вчера только. Помню каждую мелочь. Помню, какъ стоялъ я, упершись головою въ клѣтку, помню, какъ тяжело было у насъ на душѣ. Видѣли мы, по-

нимали и чувствовали, что нашъ гусь хочетъ летѣть, летѣть туда, со своими, на югъ. Уже много позже узналъ я, что такое инстинктъ, — это врожденное, бессознательное стремленіе. Уже студентомъ узналъ я, что именно инстинктъ влечетъ птицу летѣть осенью на югъ въ урочное время, а весной — летѣть съ юга на сѣверъ. Ничего этого мы тогда съ братомъ не знали. Но мы ясно видѣли, что нашъ гусь всѣмъ существомъ своимъ стремится прочь, что тянетъ его наверхъ, къ своимъ, туда въ вышину; неудержимо тянетъ его летѣть.

Мы ясно видѣли это и по-своему понимали, что онъ страдаетъ и мучается. И намъ стало его несказанно жаль. Намъ стало и больно, и совѣстно. Зачѣмъ держать въ клѣткѣ эту чудную вольную птицу, когда она всѣмъ существомъ своимъ рвется летѣть со своими на югъ?

Миша первый прервалъ молчаніе.

— И зачѣмъ держимъ мы его? Чтобы его потомъ зажарили? Я не хочу...

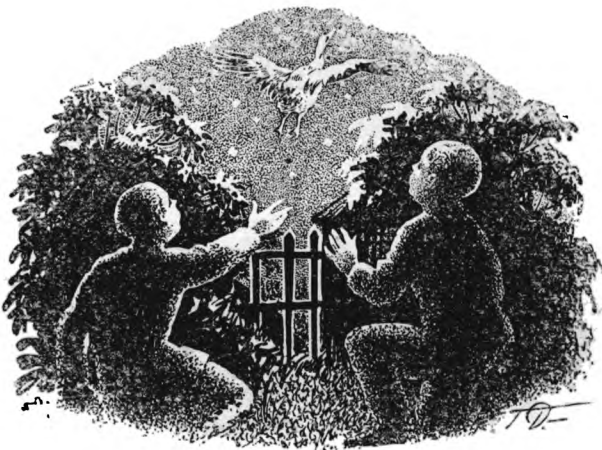
Я тоже что-то говорилъ. Мы оба стояли около клѣтки, говорили шопотомъ и не знали, что дѣлать. Хорошо, что никого не было; хорошо, что никто не видѣлъ, какъ два гимназиста, два большихъ гимназиста (вѣдь братъ былъ уже во второмъ классѣ!) грязными руками вытирали слезы, и какъ слезы эти текли по ихъ щекамъ и капали одна за другой на ихъ сѣрыя куртки. Но многого еще другого тоже никто не видѣлъ въ эту ясную, лунную, осеннюю ночь...

На другое утро старая Степанида никакъ не могла понять, куда пропалъ дикій гусь. Клѣтка заперта хорошо и не сломана нигдѣ, и все въ порядкѣ, — а гуся нѣтъ какъ нѣтъ!

— И куда онъ дѣвался? Что за грѣхъ такой! И что я скажу теперь барину?

Очень боялась старушка и отца нашего, и особенно дядю.

Но мы поговорили съ отцомъ «по душѣ», и отецъ ничего не сказалъ Степанидѣ. Да и дядѣ не далъ бранить се.



Никто не видѣлъ въ эту лунную ночь...

Колтовской дьячокъ.

Б ы л ь.

Быль мартъ 1847 года. Въ Петербургѣ начиналась весна, и цѣлые потоки грязной талой воды неслись по улицамъ, образуя на мостовыхъ безчисленные ухабы и рытвины.

Въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ оказались жители зарѣчной, болѣе отдаленной отъ всякаго начальственнаго взгляда, Петербургской стороны. Сугробы снѣга, не убравшіеся въ теченіе всей зимы, растаявъ превратили переулки и улицы, пустыри и огороды въ венеціанскіе каналы и швейцарскія озера. Не находившая выхода вода стала заливать первые этажи ветхихъ деревянныхъ домишекъ, густо населенныхъ бѣднотой всякаго званія. Неожиданное наводненіе ставило жителей въ отчаянное положеніе: имъ грозила опасность не только быть затопленными, но и умереть съ голода.

Дольше всего вода держалась на Колтовской улицѣ, и обширный лугъ, окружавшій церковь Спаса-Преображенія, представлялъ собою большое озеро, такъ что рѣдкимъ богомольцамъ, желавшимъ посѣтить церковь, приходилось пробираться къ церковной паперти съ великимъ трудомъ, по разбросаннымъ бревнамъ и доскамъ, ежеминутно рискуя свалиться въ воду. Это неудобство, само собою разумѣется, прежде всего отразилось на доходахъ причта, такъ какъ прихожане, несмотря на первую недѣлю Великаго поста, почти перестали ходить на богослуженія. Да и вообще колтовской приходъ считался въ столицѣ наименѣе доходнымъ. Его населеніе состояло частью изъ отставныхъ, частью изъ служащихъ мелкихъ чиновниковъ, мелкаго торговаго люда, ютившагося по угламъ и подваламъ, и лишь главными и наиболѣе почетными прихожанами считались нѣсколько купеческихъ семей, владѣльцевъ ближайшихъ лавокъ.

* * *

Особенно бѣдствовалъ отъ отсутствія всякихъ доходовъ колтовской дьячокъ Благосвѣтловъ. Ему прямо-таки не хватало на хлѣбъ. Три года тому назадъ онъ кончилъ семинарію, женился и не разбирая, не выждавъ взявъ первую открывшуюся вакансію и поступилъ псаломщикомомъ въ церковь Спаса. Временно можно было бы помириться и съ этимъ мѣстомъ, если бы не отецъ Федоръ, не влюбившій почему-то молодого псаломщика. Ко всему придирался о. Федоръ: и читать-то не умѣешь, и поешь нескладно и не въ тонъ ему, протоіерею. Послѣднее было уже совсѣмъ несправедливо, такъ какъ Благосвѣтловъ имѣлъ отличный музыкальный слухъ, и въ тонъ не попадалъ самъ о. Федоръ, не обладавшій этимъ талантомъ.

О. Федоръ всячески старался притѣснять псаломщика, но тотъ не ропталъ и на упреки и жалобы любимой жены возражалъ, что на то воля Господня.

* * *

Между тѣмъ молва о наводненіи на Петербургской сторонѣ разрослась, какъ снѣжный комъ. Говорили - о десяткахъ погибшихъ, о разрушенныхъ домахъ и о несчастныхъ семьяхъ, оставшихся безъ крова. Слухи достигли наконецъ Зимняго дворца; и государь выразилъ желаніе лично осмотрѣть мѣсто наводненія.

Въ три часа пополудни знаменитый рысакъ, запряженный въ легкія одиночныя сани, мчалъ императора по улицамъ столицы. По вѣздѣ на Петербургскую сторону кучеру пришлось сдерживать лошадь, такъ какъ дорога была изрыта глубокими ухабами и въ изобиліи усѣяна досками, бревнами и дровами, принесенными водою. Миновавъ церковь Никола Морского, государь приказалъ кучеру ѣхать по направленію къ Спасской церкви. Про-

ѣздъ по Колтовской улицѣ былъ труденъ: громадные лужи не позволяли разсмотрѣть выбоины, и лошади приходилось идти шагомъ, осторожно нащупывая твердую почву. На улицѣ было пустынно, близился вечеръ, и рѣдкіе прохожіе не узнавали закутанной въ шинель фигуры императора Николая Павловича.

Тишина улицы вдругъ нарушилась ударомъ колокола — звонили къ вечернѣ у Спаса Колтовского. Государь снялъ каску и набожно перекрестился. Рѣдкіе великопостные удары колокола гулко разносились въ вечернемъ воздухѣ. Государь велѣлъ кучеру подвезти себя къ церкви.

Въ церкви былъ полумракъ; лишь вдали у иконостаса тускло теплилось нѣсколько свѣчекъ. Богомольцевъ не было, если не считать нищей-старухи да исполнявшаго обязанности церковнаго старосты сторожа, стоявшаго за свѣчной вырубкой. Приходъ государя не возбудилъ ничего вниманія, и онъ безпрепятственно прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ у колонны.

Изъ алтаря раздался тихій возгласъ священника, и въ отвѣтъ ему могучій, бархатный басъ началъ чтеніе канона.

Канонъ читалъ скрытый за иконой Благосвѣтловъ.

Чудныя, боговдохновенныя слова дивнаго произведенія Андрея Критскаго звучно разносились по пустынному храму. Собственное горе, мысли о будущемъ и его неизвѣстность — все это какъ будто находило отвѣтъ въ священныхъ фразахъ, и Благосвѣтловъ читалъ артистически. Его голосъ звучалъ то глубокой вѣрой въ милосердіе Божіе, то съ грустью молилъ о ниспосланіи мира мятущейся душѣ...

* * *

Николай Павловичъ стоялъ изумленный и растроганный. Голосъ чтеца онъ нашелъ необыкновенно красивымъ и звучнымъ, болѣе красивымъ, чѣмъ голоса придворныхъ псаломщиковъ. «Его надо взять къ

себѣ», мысленно рѣшилъ императоръ и, повернувшись, подошелъ къ свѣчной вырубкѣ и спросилъ у дремавшаго сторожа:

— Какъ фамилія дьячка?

Вздрогнувшій отъ неожиданности старикъ растерялся, когда увидѣлъ предъ собою извѣстную всѣмъ петербуржцамъ высокую фигуру государя.

— Виновать... Ваше... Ваше императорское величество... — еле могъ выговорить онъ, — Благосвѣтловъ его фамилія...

— Хорошо, старикъ, — милостиво сказалъ императоръ и вышелъ изъ церкви.

Выбѣжавшій вслѣдъ за нимъ сторожъ увидѣлъ выѣзжавшія уже изъ церковной ограды сани съ царственнымъ сѣдокомъ и, понявъ, какой сонъ ему приснился, всплеснулъ руками и бросился прямо въ алтарь, гдѣ залпетающимъ языкомъ сообщилъ служившему вечерню настоятелю, кто былъ сейчасъ въ церкви.

— Да ты, Степанъ, не пьянъ, нѣтъ? — строго взглянувъ на него, сказалъ протоіерей, но, увидѣвъ растерянный видъ старика, понялъ, что это — не шутка, и самъ въ свою очередь взволнованный сталъ разспрашивать его.

— И не знаю какъ, — весь трясаясь, рассказывалъ сторожъ, — задремалъ я, что-ли, грѣшнымъ дѣломъ, а только вижу — стоитъ онъ предо мною у вырубкы и спрашиваетъ: а какъ дьячка зовутъ?... А я и сказать-то что, не знаю... Какъ ужъ Господь сподобилъ отвѣтить, и невдомекъ...

— Ну, что-то будетъ... — сокрушенно вздохнулъ настоятель, — что-то будетъ!... Храни Богъ, высокопреосвященный узнаетъ: и старосты нѣтъ, и вечерню безъ дьякона правимъ...

Наскоро окончивъ службу, настоятель сообщилъ о происшедшемъ Благосвѣтлову и добавилъ, что государь спросилъ о его фамиліи.

— Храни тебя Богъ, Иванъ Павловичъ!... что, если чѣмъ прогнѣвилъ государя?... — сочувственно говорилъ ему протоіерей.

— Да чѣмъ же я прогнѣвить-то могъ? — недоумѣвалъ тотъ, — читалъ я, кажется, отецъ настоятель, вѣрно, безъ пропусковъ, а что государя не замѣтилъ, такъ вѣдь мнѣ изъ-за иконы-то не видно.

— Ну, ладно, ладно, иди ужъ, не гнѣви Бога! — сокрушенно проговорилъ протоіерей, — утро вечера му-дренѣе, авось минеть насъ чапсія.

* * *

Придя домой и рассказавъ женѣ о царскомъ посѣщеніи, Иванъ Павловичъ совсѣмъ упалъ духомъ. Казалось, что послѣдняя надежда на лучшую переменъ жизни рухнула. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ государю понадобилось знать фамилію какого-то дячка, какъ не затѣмъ, чтобы наказать его. Вотъ только причину, навлекшую на него гнѣвъ монарха, онъ никакъ не могъ найти. Онъ ломалъ себѣ голову и такъ, и сякъ, и все-таки ничего не могъ выяснитъ. Измученный въ конецъ и собственными мыслями, и рыданіями жены, горько плакавшей о томъ, какъ ея Ваню по царскому приказу казнятъ на Конной площади безвинно, Благосвѣтловъ только подъ утро забылся тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ.

* * *

— Вставай, Ваня, — услышалъ онъ утромъ голосъ будившей его жены, — вставай, свѣтикъ, чуюло мое сердце, что осиротѣю я съ дѣтками... — заливалась она горькими слезами.

— Въ чемъ дѣло? — вскакивая спросилъ поблѣднѣвшій Иванъ Павловичъ, — говори толкомъ, не мучь.

— Сторожъ пришелъ отъ настоятеля, тебя зовутъ; говоритъ, отъ царя офицеръ за тобой пріѣхалъ... и что ты такое надѣлалъ вчера въ церкви — и ума не приложу?

— Ничего я не надѣлалъ и предъ царемъ не виноватъ; а ты не плачь — хуже не будетъ, — стараясь быть спокойнымъ, говорилъ Благосвѣтловъ, — давай сюртукъ да пере-

стань плакать! Авось Богъ не оставитъ!

Подходя къ настоятельскому крыльцу, Иванъ Павловичъ не безъ волненія увидѣлъ стоящую около него фельдъегерскую тройку.

Блѣдный, но спокойный, онъ вошелъ въ квартиру настоятеля. Въ прихожей толпилась вся многочисленная семья послѣдняго, и появленіе Ивана Павловича было встрѣчено съ какимъ-то смущеніемъ и страхомъ. Матушка-протопопша, какъ звали ее въ приходѣ, добрая, отзвѣчивая женщина, подошла къ нему и, положивъ руку на плечо, проговорила: «эхъ, Иванъ Павловичъ», — и, быстро-быстро заморгавъ глазами, отошла. Все это, повидимому, предвѣщало мало хорошаго.

* * *

Въ небольшой гостиной, увѣшанной по стѣнамъ портретами архіереевъ и иныхъ лицъ духовнаго званія, въ креслахъ сидѣли настоятель и молодой офицеръ въ формѣ фельдъегерскаго корпуса. Они о чемъ-то оживленно бесѣдовали, и протоіерей самодольно поглаживалъ свою сѣдую бороду.

— Вы — псаломщикъ Благосвѣтловъ? — обратился къ вошедшему, щелкая шпорами, фельдъегерь.

— Къ вашимъ услугамъ, — слегка дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Иванъ Павловичъ, — чѣмъ могу служить?

— По именному предписанію его императорскаго величества, которое я сообщилъ отцу-протоіерею, я обязанъ препроводить васъ немедленно къ настоятелю придворнаго собора для нѣкоторыхъ переговоровъ. Благоволите быть готовымъ въ возможной скорости, — вѣжливо, но рѣшительно заявилъ офицеръ.

— Идите скорѣй домой, одѣньтесь, — добавилъ настоятель, — и успокойтесь; счастье вамъ большое выпало, Иванъ Павловичъ!

Ничего не понимая, какъ въ туманѣ, вышелъ Благосвѣтловъ изъ настоятельской квартиры; онъ инстинктивно чувствовалъ, что дурного быть не можетъ, что предсто-

ить что-то хорошее, свѣтлое, но что именно, — казалось непонятнымъ.

Успокоивъ наскоро жену, онъ вернулся обратно, и скоро фельдъегерская тройка, провожаемая изумленными взглядами колтовскихъ обывателей, увезла его по направлеию къ Зимнему дворцу.

Протопресвитеръ, солидный, весь увѣшанный орденами, благообразнаго вида протоіерей, принялъ его сейчасъ же по прїѣздѣ. Фельдъегерскій офицеръ, почтительно доложивъ что-то, удалился, и Иванъ Павловичъ остался наединѣ съ важной духовной особой, теряясь отъ непривычной ему обстановки.

— Вы, конечно, знаете, молодой человѣкъ, причину, которая привела васъ сюда? — обратился къ нему протопресвитеръ.

— Простите, ваше высокопреподобіе, но я, право, ничего не знаю... и убѣдительно прошу дать мнѣ какія нибудь разъясненія!... — взволнованно отвѣтилъ Благосвѣтловъ.

— Вотъ что!... ну, такъ я вамъ поясню. Дѣло въ томъ, что государь императоръ, посѣтивъ вчера вашу церковь, такъ остался доволенъ вашими чтеніемъ, что повелѣлъ мнѣ зачислить васъ въ штатъ придворныхъ псаломщиковъ. Сообщая объ этомъ, я надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе его величества.

— Ваше высокопреподобіе... — пролепеталъ Иванъ Павловичъ, — ваше высоко... — дальше онъ не могъ продолжить фразы. спазма

сдавила ему горло, и непрощенныя слезы появились на глазахъ.

— Успокойтесь, выпейте воды и расскажите мнѣ о себѣ, — ласково успокаивалъ его протопресвитеръ, — отъ счастья не умирають, не бойтесь!

Слегка оправившись, но все-таки сильно волнуясь, Благосвѣтловъ принялся рассказывать свою біографію, не забывъ упомянуть о бѣдности прихода. Получивъ благословеніе и приказаніе быть готовымъ къ скорой службѣ въ высочайшемъ присутствіи, онъ, не чувствуя подъ собою земли отъ радости, отправился домой.

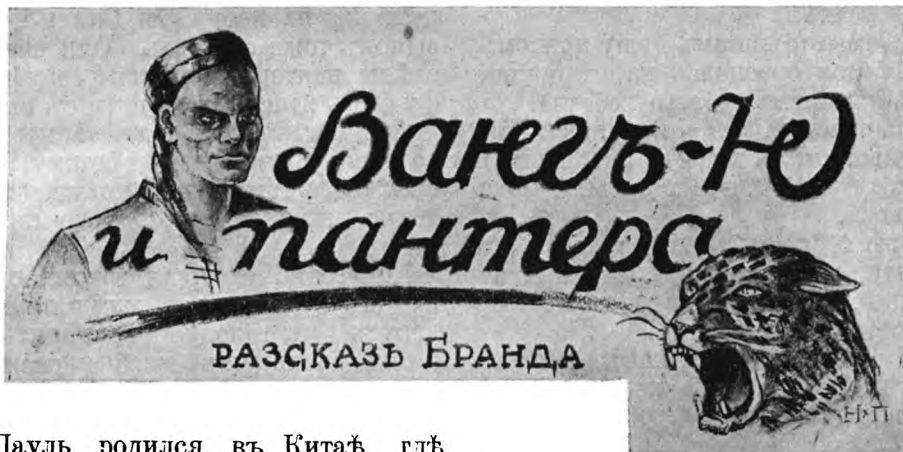
*
*

Нечего и говорить о томъ, что произошло по его возвращеніи: счастьемъ и разговорамъ не было конца; весь причтъ, не исключая и отца Федора, перебивалъ у Ивана Павловича, и всѣ наперерывъ поздравляли счастливецъ, и всѣ ему завидовали.

Благосвѣтловъ былъ назначенъ псаломщикомъ въ церковь Аничковскаго дворца и уже на Пасхѣ участвовалъ въ торжественныхъ придворныхъ службахъ. Въ этой должности онъ прослужилъ много лѣтъ и долго, до самой смерти, любилъ вспоминать 'о мудодѣйственномъ, какъ онъ называлъ, дѣлѣ, съ нимъ приключившемся. и свято чтить память своего благодѣтеля императора Николая I.

Л. К.





Пауль родился въ Китаѣ, гдѣ отецъ его много лѣтъ былъ миссіонеромъ. Когда Пауль поступилъ къ намъ въ школу, мы забросали его просьбами разсказать намъ о Китаѣ. Но онъ рѣдко отвѣчалъ на наши вопросы. Зато отецъ его, очень привѣтливый человекъ, не скупился на разсказы и часто дѣлился съ нами воспоминаніями, заставлявшими трепетать наши сердца.

Однажды мы собрались въ его кабинетъ. Бывшій миссіонеръ въ раздумьи ходилъ по комнатѣ, а наши глаза слѣдили за нимъ. Вдругъ, споткнувшись о большую шкуру пантеры, онъ остановилъ на ней взглядъ и, переведя его потомъ на насъ, сказалъ:

— Вотъ что: я разскажу вамъ сегодня, какъ попала ко мнѣ эта шкура.

Онъ сѣлъ въ кресло и началъ:

Въ глуши Китая, на разстояніи многихъ миль отъ ближайшаго европейскаго поселка, расположенъ маленькій миссіонерскій пунктъ. Тамъ появился на свѣтъ Божій вашъ сверстникъ Пауль.

Къ Паулю была приставлена старая нянька-китаянка. Она всей душой привязалась къ маленькому бѣлому существу, какъ-будто онъ былъ ея собственнымъ ребенкомъ, и такъ любила его, что мы могли отлучаться изъ дому, не беспокоясь за Пауля.

Какъ-то вызвали насъ ночью въ сосѣднее селеніе, гдѣ умирала молодая христіанка. Она давно уже бо-

лѣла и, чувствуя приближеніе смерти, желала повидать насъ. Мы, конечно, немедленно отправились въ путь.

Когда мы возвращались домой, было еще совсѣмъ темно, но духота ночи смѣнялась уже предутренней прохладой.

Въ нашемъ домѣ всѣ окна были открыты, и даже дверь съ веранды, прилегающей къ нашимъ спальнямъ, оставалась незапертой. Боятся воровъ намъ было нечего.

Моя жена рѣшила пройти въ спальню прямо черезъ веранду, чтобы скорѣе убѣдиться, что за наше отсутствіе съ Паулемъ ничего не случилось. Она, какъ и всѣ матери, постоянно дрожала за ребенка.

Но не успѣли мы подняться на третью ступеньку веранды, какъ впереди раздался шорохъ, заставившій насъ отшатнуться. Спустя мгновеніе мы увидѣли громаднаго звѣря, темной тѣнью проскользнувшего изъ двери во дворъ.

— Пантера! — вырвался у меня громкій крикъ, и я въ волненіи схватилъ жену за руку, чтобы оттащить ее въ сторону.

Но ея болѣе острое зрѣніе уловило нѣчто, ускользнувшее отъ моего взора.

Хищникъ несъ въ пасти свѣтлый узелъ. Содержимое узла обнаружилось въ слѣдующій же мигъ: мы услышали тихій плачь проснувшегося ребенка.

Отъ ужаса кровь застыла у насъ въ жилахъ.

Съ раздирающимъ душу крикомъ, жена моя бросилась на хищника, желая вырвать у него ребенка.

Къ счастью, звѣрь испугался крика, выпустилъ добычу изъ пасти и большими прыжками скрылся въ темнотѣ.

Внѣ себя отъ волненія, смѣясь и рыдая, жена прижала малютку къ сердцу, а онъ весело барахтался въ ся объятяхъ.

Я все еще стоялъ, какъ въ столбнякѣ. Только когда жена дала мнѣ нашего мальчика на руки, я очнулся отъ оцѣпенѣнія и меня такъ же, какъ и ее, охватила безконечная радость.

На шумъ прибѣжала разбуженная няня. Узнавъ что случилось, она начала громко причитать. Намъ съ трудомъ удалось увѣрить ее, что острые зубы хищника даже не оцарапали ея питомца.

Тогда она торопливо одѣлась и бросилась въ деревню. На ходу она крикнула намъ:

— На этотъ разъ злодѣй будетъ наказанъ, вотъ увидите! Я бѣгу къ Вангъ-Ю, онъ долженъ помочь!

Кузнецъ Вангъ-Ю былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ, котораго я когда-либо видѣлъ. Онъ, безъ сомнѣнія, могъ бы выступать въ циркѣ какъ борецъ или атлетъ. Онъ легко поднималъ огромныя тяжести. Въ его кузницѣ былъ молотъ, котораго никто поднять не могъ, онъ же бралъ его одной рукой и, взмахнувъ высоко въ воздухъ, такъ ударялъ по наковальнѣ, что земля дрожала.

Почему няня побѣжала теперь къ Вангъ-Ю, и что онъ могъ сдѣлать, для меня было неясно. Да я и не задумывался надъ этимъ. Мы съ женой не могли оторваться отъ нашего мальчика и смотрѣли на него, какъ будто онъ былъ намъ вторично посланъ небомъ. Въ этомъ счастливомъ настроеніи мы совсѣмъ забыли про няню, пока она своимъ появленіемъ не напомнила намъ о себѣ.

— Господинъ, — сказала она, при чемъ ея старое, морщинистое лицо

сіяло отъ восторга, — охотникъ съ ружьемъ на дворѣ, и Вангъ-Ю съ сыномъ тоже съ нимъ. Они нашли слѣды пантеры и идутъ ее убить. Фу-Санъ хочетъ тоже идти съ ними.

При послѣднихъ словахъ мы невольно разсмѣялись, потому что Фу-Санъ, нашъ молодой слуга, былъ всебѣмъ чѣмъ угодно, только не героемъ.

Когда эта странная группа охотниковъ удалилась, мнѣ пришлось вдругъ въ голову прослѣдить за ними: очень ужъ необыкновенной показалась эта охота, и я пошелъ за охотниками.

Никто изъ нихъ не оборачивался. Видимо, ими руководила лишь одна мысль — не потерять слѣда пантеры. Следъ велъ къ каменистому откосу, покрытому скудной растительностью. Тутъ они замедлили шагъ и стали внимательно озирались. Я вспомнилъ, что это мѣсто всегда обходилось прохожими: говорили, что здѣсь водятся пантеры. Мѣсто было въ сторонѣ отъ дороги, и я попалъ сюда въ первый разъ.

Небольшое возвышеніе могло служить мнѣ наблюдательнымъ пунктомъ. Подъ прикрытіемъ кустарника я сѣлъ на землю и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дальнѣйшихъ событій. Одно мнѣ было ясно: охотники несутя рѣшили покончить съ пантерой.

Охотникъ съ ружьемъ очень страннаго образца пошелъ впередъ; по пятамъ за нимъ слѣдовалъ Вангъ-Ю. Сынъ его и мой слуга Фу-Санъ остались на нѣкоторомъ разстояніи въ сторонѣ и, вѣроятно, должны были быть загонщиками.

Всѣ, казалось, слѣпо вѣрили въ убійственную силу своего допотопнаго оружія.

Съ подобострастіемъ смотрѣли всѣ трое, какъ владѣлецъ оружія сталъ заряжать его; какъ онъ всыпалъ свинець и порохъ въ дуло, забилъ зарядъ шомполомъ, а затѣмъ заправилъ зажигательный фитиль.

Вдругъ раздался крикъ. Я узналъ голосъ Фу-Сана. Быстро повернувъ голову въ его сторону, я увидѣлъ грозную картину: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него появилась громад-

ная пантера. Но она была далека от мысли напасть на людей. Она повернулась, чтобы пуститься в бѣгство.

Но охотникъ уже навелъ дуло. Раздался выстрѣлъ, и послышался

Китаецъ подался назадъ и упалъ.

Я хотѣлъ закрыть глаза, чтобы не быть свидѣтелемъ кровавой сцены... Но въ тотъ же мигъ Вангъ-Ю, совершенно безоружный, подбѣжалъ къ пантерѣ, оттащилъ ее мо-



Хищникъ несъ въ пасти свѣтлый узелъ...

ревъ раненаго звѣря. Корчась отъ боли, пантера начала метаться во всѣ стороны и вдругъ большими прыжками кинулась къ моему бѣдному Фу-Сану.

Ужасъ охватилъ меня... Не имѣя возможности чѣмъ-либо помочь, я вынужденъ былъ смотрѣть, какъ страшный въ своемъ бѣшенствѣ звѣрь бросился на Фу-Сана и впился передними лапами въ его плечи.

гучими руками отъ жертвы и этимъ далъ возможность убѣжать обезумѣвшему отъ страха китайцу.

Пантера яростно рычала, била хвостомъ по воздуху и дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы освободиться изъ желѣзныхъ рукъ кузнеца.

Но Вангъ-Ю не сдавался.

— Стрѣляй! — крикнулъ онъ охотнику.

Дрожа от волненія, посмотрѣлъ я на послѣдняго. Вѣдь каждая минута промедленія могла стоять жизни; и атлетъ не могъ долго бороться съ пантерой.

Охотникъ замеръ на мѣстѣ. Я вскочилъ и тоже сталъ кричать, чтобы вывести его изъ оцѣпенѣнія.

Но мой крикъ былъ тоже напрасенъ. Тогда къ остолбенѣвшему охотнику подбѣжалъ сынъ Вангъ-Ю и поднимая тяжелое ружье втикнулъ его въ руки китайца.

Это привело въ себя охотника. Онъ принялся заряжать ружье и, надо отдать ему справедливость, прилагалъ всѣ усилія и торопился.

Секунды казались вѣчностью.

Наконечъ ружье было заряжено. Но какъ стрѣлять? Борющіеся ежеминутно мѣняли положеніе. Какъ убить звѣря, чтобъ не ранить человѣка? Вангъ-Ю крѣпко прижималъ пантеру къ груди. Только шея и голова ея были свободны.

Стрѣлокъ колебался. Онъ прицѣлился было и снова опустилъ дуло: цѣль была слишкомъ измѣнчивая.

— Стрѣляй! — закричалъ снова Вангъ-Ю, на этотъ разъ задыхающимся голосомъ.

Охотникъ снова прицѣлился, — и послѣдовалъ оглушительный выстрѣлъ.

— Попалъ! — воскликнулъ я, когда дымъ сталъ разсѣиваться. Силачъ все еще держалъ пантеру въ

своихъ объятыхъ, но она уже больше не сопротивлялась и только вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Мальчишка прыгалъ отъ радости. Фу-Санъ шелъ обратно, а я подошелъ къ группѣ, чтобъ раздѣлить съ ними общую радость.

Еще одинъ выстрѣлъ, и пантера была прикончена.

Мурашки забѣгали у меня по спинѣ, когда я вспомнилъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ мой ребенокъ находился въ пасти этого звѣря.

— Онъ больше не будетъ жрать дѣтей! — сказалъ Вангъ-Ю, будто угадывая мои мысли.

Я крѣпко пожалъ ему руку, потому охотнику и мальчугану, который показалъ себя такимъ храбрымъ. Фу-Санъ стоялъ поодаль, смущенно улыбаясь...

Я приобрѣлъ на память объ этомъ событіи шкуру пантеры, и вотъ, украшая комнату, она въ то же время служитъ воспоминаніемъ о тѣхъ жуткихъ минутахъ, которыя мы пережили, далеко, далеко въ глуши Китая...

Такъ кончилъ свой рассказъ старикъ-миссіонеръ и любовно посмотрѣлъ на сына. А мы бросились осматривать шкуру, старались отыскать слѣды пули и съ трепетомъ разсматривали пасть, которая чуть было не растерзала нашего товарища.

Перев. Н. Ф.



Пантера кинулась на Фу-Сана.

Маленькій герой.

Разсказъ Е. Гаугъ.

Прочтя въ № 4-мъ журнала «Юный Читатель» разсказъ «Дѣти — защитники Родины», я вспомнила одного маленькаго героя, который своей храбростью и находчивостью спасъ нѣсколько сотъ человѣкъ отъ смерти.

Объ этомъ двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ Колѣ я хочу сейчасъ разсказать. Описываю этотъ случай съ его согласія, но фамиліи не называю, потому что онъ этого не пожелалъ изъ скромности, присущей многимъ героямъ.

Было это въ 1919 году въ городѣ Кіевѣ. Рядомъ съ нашимъ домомъ помѣщался штабъ. Когда передъ приходомъ добровольцевъ изъ города слѣшно бѣжали большевики, изъ нашего дома исчезъ гимназистъ Коля, бѣлокурый, курчавый весельчакъ, общій любимецъ. Родители, естественно, очень испугались: строили всевозможныя предположенія — не забрали ли его съ собой большевики. Многимъ было извѣстно, что Коля часто пробирался на позиціи добровольцевъ, расположенныя подъ самымъ городомъ, передавалъ корреспонденцію и оказывалъ разныя мелкія услуги.

Въ день ухода большевиковъ Коля на минутку вернулся на квартиру. Дома никого не было, кромѣ младшей сестренки. Онъ взялъ ключъ отъ сарая, снялъ замокъ, вывинтилъ кольца и убѣжалъ, захвативъ это все съ собою. Ночью онъ не вернулся. Когда же въ Кіевъ вошли первыя добровольческія части, Коля, исхудавшій и утомленный, появился снова дома. Онъ пришелъ успокоить мать, сказавъ, что онъ живъ и здоровъ, но что ему необходимо сейчасъ же идти къ командующему добровольческими частями по дѣлу, отъ котораго зависитъ жизнь всѣхъ жильцовъ дома, а также сосѣднихъ домовъ. Всѣ стали разспрашивать Колю, но онъ сказалъ, что объяснить все послѣ, и снова ушелъ.

Благодаря своей настойчивости Коля добился приѣма у генерала. Тотъ его внимательно выслушалъ, и вечеромъ того же дня Коля вернулся сіяющей домой и разсказалъ всѣмъ, отъ какой страшной опасности онъ всѣхъ насъ избавилъ.

Дѣло было въ слѣдующемъ. Коля проводилъ большую часть дня внѣ дома, чаще всего онъ сидѣлъ на большомъ орѣховомъ деревѣ, которое росло позади нашего дома у забора, отдѣляющаго нашу усадьбу отъ усадьбы штаба. Съ этой позиціи, скрытой отъ всѣхъ глазъ, онъ видѣлъ и слышалъ все, что происходило въ штабѣ. Такимъ путемъ онъ узналъ, что уходя большевики оставили въ подвалѣ штаба много снарядовъ и бомбъ. Въ этотъ погребъ они умышленно провели такъ называемый «бикфордовъ шнуръ», конецъ котораго оставался внѣ погреба, во дворѣ. Дверь погреба замаскировали сложеными хворостомъ и листьями. По уходѣ большевиковъ въ усадьбѣ штаба оставался лишь одинъ сторожъ. Онъ былъ тоже большевикъ и ему было поручено большевиками, какъ только штабъ будетъ занятъ добровольческими частями, зажечь фитиль и взорвать такимъ образомъ все зданіе. Ясно, что отъ этого взрыва пострадалъ бы весь кварталъ.

Сидя вечеромъ на своемъ излюбленномъ мѣстѣ, скрытый густыми вѣтками орѣха, Коля находился очень близко отъ группы разговаривающихъ большевиковъ и узналъ о ихъ зломъ намѣреніи взорвать погребъ со снарядами при помощи страшнаго шнура. Коля рѣшилъ остаться на своей удобной позиціи и оттуда слѣдить за дѣйствіями большевиковъ. Въ его головѣ созрѣлъ планъ. Вотъ какъ онъ привелъ его въ исполненіе.

Когда вечеромъ сторожъ куда-то отлучился, Коля слѣзъ съ дерева, прибѣжалъ домой, захватилъ замокъ и отвинченныя отъ сарая

кольца, перелѣзъ черезъ заборъ и привинтилъ кольца къ дверямъ сторожки дворника, расположенной въ глубинѣ усадьбы.

Тутъ онъ замѣтилъ около сторожки велосипедъ, на которомъ, повидимому, долженъ былъ уѣхать большевикъ - сторожъ, совершивъ злое дѣло.

Коля вернулся на свое дерево и сталъ нетерпѣливо ждать возвращенія сторожа и наступленія ночи.

Въ это время у большевиковъ происходили спѣшные сборы къ отъѣзду.

Наконецъ городъ опустѣлъ, большевики ушли, а сторожъ вернулся въ свой домикъ и легъ спать.

Коля тихонько слѣзъ съ дерева и привѣсилъ на дверь большой замокъ. Сторожъ въ это время спалъ безмятежнымъ сномъ и не подозрѣвалъ, что сталъ плѣнникомъ Коли, который укатилъ на его велосипедѣ по направленію къ добровольческимъ позиціямъ, чтобы предупредить злодѣяніе.

Но прежней воинской части, которой Коля оказывалъ всякія услуги, уже не было на томъ мѣстѣ. Другіе же солдаты, прибывшіе на мѣсто прежнихъ, отнеслись съ недовѣріемъ къ разсказу маленькаго гимназиста объ опасности взрыва

погребѣ со снарядами. Обиженный Коля вернулся домой, совершивъ снова опасную поѣздку на велосипедѣ по пустыннымъ улицамъ города, находящагося въ это время безъ власти. Вотъ тогда-то онъ и явился домой, успокоилъ мать и сказалъ, что долженъ идти къ командующему добровольческими частями.

Коля ни съ кѣмъ не подѣлился своей тайной, правильно разсудивъ, что лишняя болтливость можетъ лишь испортить дѣло.

Когда онъ былъ принятъ генераломъ, онъ передалъ ему ключъ отъ сторожки и просилъ послать кого-нибудь въ штабъ, чтобы обезопасить погребъ отъ возможности взрыва. Нарочный, посланный генераломъ, вернулся и доложилъ, что солдаты, по его приказанію, убрали хворостъ и листья, взломали дверь подвала и извлекли опасный шнуръ. Сторожа арестовали, допросили, и онъ во всемъ сознался.

Генералъ расцѣловалъ Колю, подарилъ ему шпагу, собственноручно одѣлъ на него погоны, а велосипедъ сторожа разрѣшилъ считать своимъ.

Матери же Коли просилъ передать, что ея сынъ — герой и спасъ многихъ людей отъ смерти.

В ъ р а.

Пылаетъ вѣры ясный пламень, —

И свѣтомъ жизнь озарена.

Угаснетъ — станетъ жизнь темна,

И сердце превратится въ камень.

Не угасай! Въ душѣ усталой

Развѣй печаль сердечной мглы.

И возвѣсти зарею алой,

Что свѣтъ проникъ во всѣ углы.

Л. С. фонъ-дерь-Лауницъ.



Продолжение

Глава VII.

«Косполитан» на мели.

На «Косполитанъ», плывущемъ спасательномъ городѣ, царило большое оживленіе. Громадное судно — пять километровъ въ длину и тысяча метровъ въ ширину — находилось нѣсколько вдали отъ берега, на достаточно глубокомъ мѣстѣ, и потому было въ безопасности на случай подводнаго землетрясенія.

Еще заблаговременно всѣ мѣста были заномерованы, и каждый пассажиръ зналъ, гдѣ ему помѣститься.

Стеченіе публики все усиливалось съ каждымъ часомъ, и посадка продолжалась всю ночь.

Вдругъ произошло къ утру непредвидѣнное событіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ уровень воды въ Мраморномъ морѣ такъ понизился, что корабль сначала оказался на мели, а потомъ и совсѣмъ обохъ. Однако онъ остался стоять, подпертый заранѣе съ боковъ. Это обстоятельство вызвало панику и на кораблѣ и на сушѣ, приостановивъ дальнѣйшую посадку; многие побѣжали прочь, къ горамъ, видя, что спасеніе на водѣ невозможно.

Послѣ долгаго ожиданія появились, наконецъ, первые признаки начинающагося прилива; и ожидавшая на берегу толпа, видя поднятіе воды, бросилась на корабль, вызвавъ немалую панику. Такъ какъ все же многіе нерѣшительные колебались, командиръ судна далъ въ рупоръ приказъ:

— Спасайтесь скорѣе! Черезъ четверть часа начнется потопъ!

Одновременно съ парохода были пущены тысячи ракетъ, которыя залили свѣтомъ весь городъ, чтобы потомъ скрыться въ дождевыхъ облакахъ. Проливной дождь какъ будто только и дожидался этого сигнала, чтобы обрушиться на Землю.

Посадка усилилась, вызывая панику, и уже произошло немало несчастныхъ случаевъ при паденіи съ мостковъ, соединявшихъ корабль съ берегомъ.

Вдругъ, проталкиваясь сквозь толпу, вбѣжалъ на пароходъ Аріостъ, командиръ «Фебуса», быстроходнаго аэроплана, предназначеннаго для посадки на него высшихъ чиновъ правительства. Аріостъ нашель командира судна:

— Что случилось?

— «Фебусъ» исчезъ!

— «Фебусъ», которымъ ты одинъ умѣешь управлять, и никто кромѣ тебя не знаетъ корабля?

— И все-таки онъ исчезъ! — крикнулъ Аріостъ, не отвѣчая на вопросъ, который рѣзнулъ его, какъ ножомъ. — Кто-то пробрался въ помѣщеніе капитана, когда весь экипажъ находился еще на берегу, и «Фебусъ», взвившись, улетѣлъ съ величайшей быстротой. Я прошу дать аппаратъ, чтобы пуститься за бѣглецомъ въ погону.

Командиръ, ни слова не говоря, распорядился, чтобы «Орканъ», наиболѣе быстроходное воздушное судно, былъ предоставленъ въ распо-

ряженіе Аріоста, съ командою изъ пяти человекъ. Черезъ нѣсколько минутъ черный летательный аппаратъ поднялся надъ «Косполитаной» и ринулся въ южномъ направленіи вдогонку за исчезнувшимъ «Фебусомъ».

Между тѣмъ, благодаря ливню, лишь смутно видны были съ корабля толпы народа, спѣшившаго съ берега, и только ихъ крики и гулъ, напоминавшіе звукомъ прибой волнъ, обнаруживали присутствіе толпы. Но вдругъ началъ доноситься такой же звукъ съ моря, отъ Принцевыхъ острововъ, и начавшійся новый шумъ сразу заглушилъ шумъ толпы. Это надвигалась огромная водная стѣна съ юга, смывая все на своемъ пути; потопъ начался, и всѣхъ охватилъ несказанный ужасъ.

И вотъ при блескѣ прожекторовъ чудовищная темная стѣна надвинулась на «Косполитану», которая сорвалась съ мѣста и понеслась къ берегу, какъ игрушка грозной стихіи.

Глава VIII.

Бѣгство «Фебуса».

«Фебусъ» мчался, скрытый въ черныхъ тучахъ на высотѣ въ 3 километра. Два человека стояли въ центральной комнатѣ у стола и тревожно смотрѣли на аппаратъ. Это были изгнанникъ Инго и гордая евразійка — Хлоя, дочь министра, рѣшившаяся спасти своего избранника.

Дѣвушка прижалась къ его груди.

— Лучше жизнь съ тобою, хотя бы непривычная и тяжелая, чѣмъ прозябаніе съ тѣми людьми, которые не понимали меня.

Такъ стояли они другъ около друга, чувствуя себя связанными судьбою на всю жизнь и готовые погибнуть вмѣстѣ, если полетъ завершится катастрофой.

Въ этотъ моментъ Инго, смотря на аппаратъ, показывающій скорость, воскликнулъ съ изумленіемъ:

— Что такое? Мы стоимъ на мѣстѣ, не продвигаясь впередъ!

И тутъ же, подумавъ, прибавилъ:

— Очевидно, на этой высотѣ встрѣчный вѣтеръ дуетъ съ такой силой, что не даетъ возможности двигаться, и потому намъ надо снизиться, хотя это и опасно: во-первыхъ, мы можемъ задѣть о какую-нибудь гору, а главное — насъ могутъ замѣтить и начать преслѣдовать.

«Фебусъ» снизился, и путешествіе продолжалось благополучно надъ водною равниной, образовавшейся вслѣдствіе начавшагося потопа. Черезъ часъ на югѣ показалась вершина горы, и Инго увидѣлъ зеленѣющія поля и луга на высотѣ 1000 метровъ надъ уровнемъ, показывающія, до какихъ границъ поднялась вода потопа. И здѣсь они увидѣли маленькую кучку людей, столпившихся около разбитаго воздушнаго судна.

«Фебусъ» спустился на землю и нашелъ нѣсколько семей, съ женщинами и дѣтьми, которыя начали умолять, чтобы ихъ взять на «Фебусъ». Инго разъяснилъ имъ, что онъ находится на пути въ Абиссинію и не можетъ нигдѣ высадить ихъ по дорогѣ; онъ возьметъ ихъ, если они будутъ во всемъ повиноваться командиру «Фебуса», на что несчастные согласились съ радостью. Въ это жуткое время сгладилась разница между евразійцами и абиссинцами, и всѣ почувствовали себя одной общей семьей.

Держась все время въ тучахъ, изъ осторожности, «Фебусъ» скоро началъ приближаться къ Синайскому полуострову; была полная темнота, такъ какъ Луна, въ своемъ бѣшенномъ бѣгѣ вокругъ Земли, скоро скрылась на востокѣ за горизонтомъ, но ненадолго. Когда она снова показалась, Инго снизился до 800 метровъ и пролеталъ вблизи отъ склона горы, какъ вдругъ его взорамъ открылась неожиданная картина: на склонѣ горы лежалъ остовъ полуразбитаго громаднаго корабля, а около него толпились многія тысячи людей. По знаку Инго, снизившагося до 200 метровъ, съ мѣста несчастія поднялся маленькій аэро-

планъ, и скоро на палубу «Фебуса» вышелъ пассажиръ въ евразійской офицерской формѣ.

— Я командиръ правительственнаго спасательнаго судна «Суданія», нагружавшагося вчера около береговъ Египта. Вдругъ во время внезапнаго прилива громадная волна подхватила судно и повлекла его за собой, пока оно не остановилось на склонѣ горы Синай; вода отхлынула такъ же быстро, какъ пришла, и мы очутились высоко на сушѣ. Около половины жителей южнаго Египта не успѣло спастись и погибло, и тысячи аэроплановъ были разрушены поднявшимся смерчемъ.

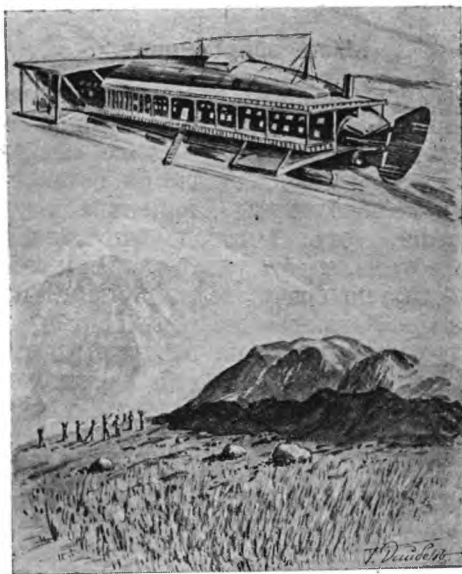
— А что въ Зіаполи? — спросилъ Инго, — у меня радіо-аппаратъ испорченъ, и я ничего не знаю.

— Зіаполи больше не существуетъ. Нѣсколько минутъ назадъ весь городъ сталъ жертвою потопа, какъ мнѣ передали съ «Косполитаны», которая очень тяжело пострадала. Все правительство осталось на этомъ суднѣ.

По отъѣздѣ командира «Суданія», Инго пригласилъ къ себѣ всѣхъ пятаерыхъ мужчинъ, спасенныхъ имъ и составлявшихъ его команду, и спросилъ прямо: что они предпочитаютъ, — спуститься ли съ семьями къ «Суданіи», или раздѣлить судьбу Инго и Хлои и отправиться въ Абиссинію? Всѣ отвѣтили, что предпочитаютъ поѣздку въ Абиссинію.

Одинъ изъ нихъ оказался техникомъ и сумѣлъ исправить поврежденный на «Фебусѣ» приѣмникъ депешъ; тогда Инго, поднявшись отъ «Суданіи» вверхъ, сейчасъ же установилъ связь съ Абиссиніей; министръ обороны Абиссиніи, подошедшій къ аппарату, услышавъ пароль, передалъ ему послѣднія новости.

— Абиссинцы, предоставленные самимъ себѣ, энергично принялись за спасательныя работы; на постройку судовъ не было уже времени, а потому они приспособили для жилья множество пещеръ, въ которыхъ и рѣшили переждать катастрофу въ надеждѣ, что хоть кто-нибудь да спасется. Потопа бояться не приходилось; наоборотъ, послѣ разло-



На вершинѣ горы увидѣли маленькую кучку людей.

женія Луны слѣдовало ожидать отлива, но зато громадная опасность грозила отъ обломковъ Луны при паденіи ихъ на Землю, и противъ этого пещеры представляли сравнительно надежное убѣжище. Абиссинія уже пережила періодъ ливней, отъ таянія лунныхъ льдовъ, и періодъ грязевого дождя, отъ паденія растворенныхъ въ водѣ мягкихъ породъ Луны; затѣмъ пошелъ каменный градъ, а за нимъ началось паденіе болѣе крупныхъ кусковъ Луны, отъ которыхъ всѣ жители и наши убѣжище въ пещерахъ. Запасы пищи уже заготовлены, и население бодро ожидаетъ грядущихъ событій.

Инго въ отвѣтъ разсказалъ министру о своихъ приключеніяхъ, сообщивъ, что его самоотверженно спасла смѣлая евразійка, которую онъ везетъ, какъ свою будущую жену; затѣмъ онъ просилъ приготовить ему съ Хлоей убѣжище, по прибытіи ихъ на мѣсто.

Весь этотъ разговоръ Инго передалъ экипажу судна, среди котораго началось общее ликование при мысли, что Абиссинія явится для него безопаснымъ пріютомъ.

Глава IX.

Местъ абиссинцевъ.

«Орканъ» оправдывалъ свое имя. Черный, формы торпедо, аппаратъ былъ значительно быстрѣе «Фебуса». Ариость сначала, по оставленіи «Косполитаны», направился къ верфи, отъ которой отправился «Фебусъ», чтобы узнать всѣ подробности; но сразу же до пріѣзда на верфь «Орканъ» долженъ былъ быстро подняться на воздухъ, такъ какъ началось движеніе потока, и надо было спастись отъ волнъ. Тутъ Ариосту пришлось наблюдать картину гибели столицы. Море, превратившись въ водяную гору, хлынуло въ улицы города и залило всѣ зданія, погрузивъ все въ темноту, и только на сѣверѣ виднѣлись какіе-то свѣтлые отблески.

«Орканъ» имѣлъ скорость вчетверо большую, чѣмъ «Фебусъ», а потому онъ скоро достигъ горы Синая, едва не захвативъ бѣглецовъ. Сначала Ариосту было непонятно, почему «Фебусъ» избралъ такое опасное направленіе — къ тропику, — но тутъ у него быстро мелькнула мысль объ Инго, какъ о похитителѣ «Фебуса»; о роли Хлоя въ этомъ приключеніи Ариость не имѣлъ представленія.

Скоро показался впереди «Фебусъ». Ариость приблизился къ «Фебусу» почти вплотную и увидѣлъ у руля Инго. Разумѣется, предложеніе о сдачѣ было отвергнуто; Ариость не согласился и на то, чтобы «Фебусъ» былъ сданъ ему въ сохранности черезъ нѣсколько часовъ, по прибытіи его на территорию Абиссиніи. Разговоръ происходилъ на палубѣ «Фебуса», въ капитанской комнатѣ, куда Ариость перешелъ по приглашенію Инго, гарантировавшаго ему безопасность.

Хлоя лежала на диванѣ, покрытая платкомъ, и Ариость не могъ узнать ее. Но когда Ариость спро-

силъ Инго: «кто открылъ тебѣ секретъ управленія «Фебусомъ?», тотъ воскликнулъ: «моя невѣста Хлоя!»

При этомъ восклицаніи Хлоя быстро обернулась, поднявшись на ноги, и Ариость онѣмѣлъ отъ неожиданности.

Кинувъ на Хлою негодующій взглядъ, Ариость объявилъ, что ни о какомъ соглашеніи не можетъ быть рѣчи, и одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть при предстоящемъ боѣ. Съ этими словами онъ перешелъ обратно на «Орканъ» и удалился отъ врага. Однако онъ не могъ предложить командѣ «Оркана» уничтоженіе «Фебуса»: въ тѣ времена убійство людей являлось неслыханнымъ преступленіемъ и было противно натурѣ каждаго евразійца; самое большее, что можно было сдѣлать, это — взять въ плѣнъ всю команду «Фебуса».

Инго между тѣмъ передалъ въ рупоръ предупрежденіе «Оркану», что обстрѣляетъ его изъ дальнобойнаго орудія, если «Орканъ» осмѣлится вредить «Фебусу». Ариость насмѣшливо улыбнулся и направилъ носъ «Оркана» въ корму «Фебуса», чтобы заставить послѣдній снизиться на землю; въ тотъ же моментъ «Фебусъ» напалъ на врага и первымъ же выстрѣломъ сдѣлалъ большую пробоину на его подвѣтренной сторонѣ, къ счастью, не затронувъ важныхъ частей.

Не зная, какъ поступить дальше, Ариость снесся съ «Косполитаной», находившейся въ поврежденномъ видѣ въ Мраморномъ морѣ; отсюда онъ получилъ инструкцію обратиться къ содѣйствию правительственнаго корабля «Нубія», находившагося у береговъ Абиссиніи и имѣвшаго на своемъ борту большія пушки. Ариость рѣшилъ слѣдовать за «Фебусомъ» и, установивъ мѣсто его высадки, дѣйствовать черезъ «Нубію».

(Окончаніе слѣдуетъ.)



Праздникъ Русской Культуры.

Если жизнь тебя обманет,
 Не печалься, не сердись;
 Въ день унынія смирись:
 День веселья, вѣрь, настанетъ.
 Сердце въ будущемъ живетъ;
 Настоящее уныло:
 Все мгновенно, все пройдетъ;
 Что пройдетъ, то будетъ мило.
 А. С. Пушкинъ.

1825 г.

Два года тому назадъ (8 іюня 1924 г.) русскіе эмигранты, обитающіе во всѣхъ уголкахъ земного шара, праздновали 125-лѣтіе со дня рожденія великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина. Торжество не только объединило русскихъ, но и вызвало откликъ со стороны всѣхъ культурныхъ народовъ, почтившихъ память русскаго генія и въ лицѣ его русскую культуру.

Тогда и зародилась мысль отмѣчать ежегодно день рожденія Пушкина торжествомъ, посвященнымъ русской культурѣ.

Въ Латвіи въ этомъ году мы празднуемъ День Русской Культуры 16 мая. Дѣлается это для того, чтобы школы могли принять участіе въ торжествѣ.

Но 16-ли мая, или 8-го іюня празднуемъ мы день русской культуры, — онъ все равно тѣсно связанъ съ именемъ Пушкина. Почему, — объ этомъ вы узнаете изъ статьи „День Русской Культуры“.



Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ
(1799 — 1837 г.г.). Портретъ работы худ. Кипренскаго.

День Русской Культуры.

Статья М. Гофмана.

По всему міру разсѣяла насъ, русскихъ, революція. Гдѣ только нѣтъ русскихъ! Русскіе въ Эстоніи, русскіе въ Латвіи, русскіе въ Литвѣ, въ Польшѣ, въ Финляндіи, въ Германіи, во Франціи, въ Бельгіи, въ Чехословакіи, въ Сербіи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Америкѣ, въ Африкѣ, въ Азіи... Мы живемъ въ гостяхъ и невольно перенимаемъ обычаи и привычки тѣхъ хозяевъ дома, у которыхъ намъ приходится жить и работать.

Въ этомъ и благо, и зло. Благо въ томъ, что мы пьемъ изъ самыхъ источниковъ великой тысячелѣтней европейской культуры, становимся болѣе образованными, болѣе европейцами. Зло въ томъ, что мы болѣе и болѣе отрываемся отъ родной почвы, едва вспаханной, но уже родившей такіе плоды, которые при-

влекли къ себѣ вниманіе всего культурнаго, образованнаго міра. Кто изъ настоящихъ европейцевъ не знаетъ, что нашъ такой трудный для нихъ языкъ — великій, могучій, богатый языкъ, на который можно перевести, которымъ можно передать всѣ оттѣнки мысли и чувства и нѣмца, и француза, и англичанина, и испанца, и съ котораго трудно перевести, который трудно передать въ иностранной рѣчи? Кто изъ настоящихъ европейцевъ не знаетъ, что простая, безыскусственная, грустная народная русская пѣсня — чудо, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ; всякій европеецъ, слышавшій хоровую русскую пѣсню, поражался не только ея красотѣ, но и поразительному музыкальному богатству: въ то время, какъ всѣ народы Европы поютъ въ одинъ

музыку, но Сузи и ея кухарка приготовили множество прекрасных вещей для пикника. Когда я вспомню про барабаны и про марширование за ними, то я думаю, что пойду на парадъ; когда же я слышу запахъ пирожковъ съ изюмомъ, жареныхъ молодыхъ куръ, вареной ветчины и желе, то твердо рѣшаюсь идти на пикникъ.

Мнѣ кажется, конгрессу слѣдовало бы продолжить четвертое іюля на цѣлую недѣлю, тогда я бы могъ попасть и на то, и на другое. Впрочемъ, у насъ и безъ того будетъ достаточно забавы. Всевозможныя лавки кругомъ открываютъ торговлю.

Маленькій Джонни можетъ опять выходить, но его мать не позволяетъ ему играть со мною — это большое искушеніе для Джонни. Мнѣ его жаль.

Между представленіями прошлой недѣли былъ опять фокусникъ; но папа не хотѣлъ пустить меня. Онъ говоритъ, подобныя вещи заразителны, какъ корь.

Завтра, наканунѣ 4-го, ровно въ 3 часа съ народной площади поднимется воздушный шаръ. Въ немъ будетъ сидѣть человекъ: это будетъ очень интересно. Нашъ учитель говоритъ, что этимъ опровергнется законъ тяготѣнія, такъ какъ вещь, которая легче воздуха, не хочетъ оставаться внизу, когда ее не держатъ. Газъ легче воздуха, поэтому человекъ наполнить шаръ газомъ, войдетъ въ него, отрѣжетъ веревку и подыметъ вверхъ, — всѣмъ курамъ на смѣхъ, — все выше и выше.

О, это должно быть великолѣпно! Я отдалъ бы свой новый карманный ножикъ, только бы подняться вмѣстѣ. Если онъ возьметъ меня, я поднимусь.

Ура! Я лечу! Я положилъ перо и побѣжалъ въ гостиницу; я сказалъ, что пойду навѣстить мою сестру Сузи, но я постарался увидѣть профессора, которому принадлежит шаръ, и онъ сказалъ, что если мои родители мнѣ позволяютъ, то ему доставило бы удовольствіе взять меня

съ собою. О, это будетъ чудесно! Надѣюсь, мои родители не будутъ такъ жестоки, чтобы не пустить меня. Это будетъ нѣчто совсѣмъ новое, что испытали немногіе мальчики моихъ лѣтъ.

Какъ смѣшно будетъ выглядѣть земля, когда я подымусь такъ высоко, что люди будутъ казаться не больше мухъ. Я думаю, что не спрошу моихъ родителей: боюсь, что они откажутъ. Я пойду такъ, чтобы не упустить счастья. Въ ночь на 4-ое они пустятъ нѣсколько бумажныхъ шаровъ, но ихъ нельзя сравнить съ нашимъ. Я знаю, сегодня ночью мнѣ приснится, что я падаю изъ шара, — моя голова такъ полна этимъ. Было бы очень забавно влѣзть раньше профессора и подняться одному. Я могъ бы идти куда хочу — совершенно свободно — первый мальчикъ моего возраста, который одинъ совершаетъ полетъ. Быть можетъ, я могу долетѣть до Чикаго. Или если бы я остался наверху, пока перевернется земля, то я могъ бы уловить кусочекъ Китая, который лежитъ на другой сторонѣ.

Мнѣ хотѣлось бы бросить мѣшокъ съ пескомъ въ какого-нибудь китайца въ то время, когда онъ пускаетъ змѣя, чтобъ онъ испугался, подпрыгнулъ на 20 футовъ въ высоту и выпустилъ веревку. Завтра утромъ мнѣ нужно будетъ еще о многомъ поговорить съ профессоромъ, чтобы знать, какъ направлять шаръ.

Я перепрыгнулъ въ сосѣдній садъ, когда мать Джонни пошла въ городъ, и долго, долго искалъ стекла дядиныхъ очковъ, пока не нашелъ ихъ. Я принесъ ему немножко глазной воды въ бутылочкѣ и сказалъ, чтобы онъ ею по вечерамъ смачивалъ себѣ глаза. Еще рано утромъ я вставилъ старыя стекла въ очки, и онъ опять видѣлъ попрежнему и такъ былъ доволенъ, что подарилъ мнѣ золотой долларъ. Онъ сдѣлалъ другое завѣщаніе въ мою пользу, потому что я никогда не рассказываю ему, какъ я его ругаю за его снисой; онъ говоритъ, что я хороший мальчикъ. А теперь, мой милый дневникъ, я запрю тебя въ мой письменный столъ, чтобы любопыт-

ная Бетти ничего не узнала о шарѣ и не разрушила моихъ плановъ въ зародышѣ. Покойной ночи! Я долженъ прочесть молитву и идти спать. Надѣюсь, милосердный Богъ

простить меня, что я такой скверный, но я вѣдь никогда не хочу этого дѣлать; все это просто такъ случается со мною.

Глава XX.

На воздушномъ шарѣ.

Мой дорогой, дорогой дневникъ, возможно ли, что я опять вижу тебя? Я испыталъ гораздо болѣе, чѣмъ ожидалъ. Я думаю, что Робинзонъ Крузо и Жюль Вернъ желали бы быть на моемъ мѣстѣ, но для мальчика моихъ лѣтъ не шутка одному подняться на шарѣ — это гораздо любопытнѣе, чѣмъ я думалъ. Въ первыйя полторы минуты это страшно весело, но потомъ просто ужасно. Я спрашивалъ Бетти, не посѣдѣли ли мои волосы; я думалъ, что это случится. Я увѣренъ, что не буду больше тѣмъ беззаботнымъ, неосторожнымъ ребенкомъ, какимъ былъ раньше, до этого полета.

Да, на одну минуту, или около того, чудесно быть на шарѣ со всѣмъ, совсѣмъ одному, какъ молнія подниматься вверхъ, махать платкомъ и смотрѣть на людей, какъ они все уменьшаются, видѣть полѣтъ, какъ онъ ползетъ, подобно улиткѣ, поля, рѣки, деревья и заборы, какъ они дѣлаются все меньше и меньше; но, ахъ, какъ одиноко маленькій мальчикъ, когда онъ поднялся на какую-нибудь мило и не можетъ удержать эту дьявольскую штуку, которая гроша мѣднаго не стоитъ, и кругомъ одно только «ничего», и такъ холодно, что пальцы коченѣютъ. Профессоръ поставилъ въ лодку маленькую корзину съ нѣсколькими бутербродами и маленькую бутылочку съ какимъ-то ликеромъ; я сдѣлалъ глотокъ, потому что мнѣ было холодно, и оно жгло меня, какъ огонь; потомъ я рѣшилъ сейчасъ же полѣзть на веревку, потому что пальцы мои уже согрѣлись, и сдѣлать

одну или двѣ дырки въ зашнурованной штукѣ, какъ я читалъ, что это дѣлаютъ, чтобы шаръ не шелъ дальше въ Гренландію. Боже! Боже! Никто не повѣритъ, что черезъ шесть или семь часовъ будетъ 4-е іюля: скорѣе можно было бы подумать, что теперь Рождество. Я радъ, что со мною не было моихъ сестеръ, которыя кричали и орали бы, если-бъ я полѣзъ по веревкѣ съ перочиннымъ ножомъ въ рукахъ, потому что я могъ упасть. Дѣло было трудное, но иначе я замерзъ бы до смерти, — такъ что нужно было это сдѣлать. Я прорѣзалъ двѣ дырки, слѣзъ по веревкѣ внизъ, сѣлъ одинъ хлѣбъ, надѣлъ сюртукъ профессора и улегся спать.

Мнѣ снилось, что я лежу въ постели, и Бетти будить меня, но я проснулся, сѣлъ и осмотрѣлся кругомъ — нѣтъ ли чего новаго. Была ночь. Мѣсяцъ свѣтилъ великолѣпно. Я спокойно летѣлъ надъ чѣмъ-то блестящимъ и гладкимъ, какъ серебро; когда я приблизился къ нему, — что случилось очень скоро, такъ какъ шаръ медленно опускался, — то увидѣлъ, что это было море, или океанъ.

Тогда я почувствовалъ, что для меня все кончено, мнѣ суждено утонуть, и мама не узнаетъ, что стало съ ея единственнымъ сыномъ. Мнѣ было очень скверно. Я сталъ думать о разныхъ случаяхъ, которые бывали уже со мною, — сколько страху я причинилъ своимъ милымъ родителямъ, — и сталъ изо всѣхъ силъ поднимать одинъ изъ мѣшковъ съ пескомъ, чтобы выкинуть его за бортъ, что, какъ мнѣ рассказывалъ воздухо-

плаватель, дѣлать для того, чтобы заставить шаръ подняться выше, но мѣшокъ былъ слишкомъ тяжелъ для маленькаго Жоржи. Итакъ, я предоставилъ себя судьбѣ и съѣлъ еще два бутерброда.

Потомъ я посмотрѣлъ за бортъ лодки и увидѣлъ черное пятно на сверкавшей водѣ. Я сказалъ себѣ: «это китъ», но, менѣе чѣмъ черезъ 5 минутъ, увидѣлъ, что это былъ очень маленькій островъ, величиной примѣрно съ поле, и, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать: «разъ, два, ерунда», шаръ, точно птица, опустился на дерево; онъ сталъ опять довольно быстро подниматься, такъ что можно было испугаться, но я, какъ молнія, выскочилъ изъ него, схватилъ веревку, которую отрѣзалъ, когда мы входили на шаръ, и привязалъ ее къ бѣдной маленькой елочкѣ, которой какъ разъ было достаточно, чтобы удержать его, — и вотъ мы были на мѣстѣ. Я прикрѣпилъ шаръ къ елкѣ, чтобы онъ не сыгралъ со мною штуки и не улѣтѣлъ, потомъ вошелъ въ лодку и улегся, потому что въ ней было тепло, а я очень усталъ и хотѣлъ спать. Когда я проснулся, былъ уже день. Я всталъ и началъ свое обозрѣніе.

— Bravo, Жоржи, — сказала я, — это недурная штука! Кораблекрушеніе на одинокомъ, пустынномъ островѣ! О, если бы былъ со мною дневникъ, сколько бы я записалъ въ него! Мнѣ сейчасъ же нужно начать составлять инвентаръ всего того, что у меня есть, построить себѣ хижину и жить въ ней.

Я съѣлъ еще два бутерброда, такъ что теперь оставался всего только одинъ. Я былъ страшно голоденъ и мнѣ сильно хотѣлось съѣсть и послѣдній, но я удержался. Мнѣ ужасно хотѣлось пить, поэтому первое что сдѣлалъ — я пошелъ искать воду. Ея было много вокругъ острова, но я боялся, что она соленая. Но другой воды не было, поэтому я вошелъ въ нее и попробовалъ на вкусъ, чтобы узнать, гдѣ я нахожусь: въ Атлантическомъ океанѣ, или въ одномъ изъ озеръ между Соединенными Штатами и Канадой

— вода была прѣсная.

Потомъ я принялся за работу: спасать мои вещи и построить себѣ хижину, какъ Робинзонъ Крузо — но, ахъ! воздушный шаръ не стоитъ и гроша въ сравненіи съ кораблемъ — у меня не было гвоздей, не было корабельныхъ сухарей, ни кусковъ стараго желѣза, ни соленаго мяса, но я утѣшился тѣмъ, что рѣшилъ воспользоваться самою лодкой вмѣсто хижины. Потомъ я хотѣлъ сдѣлать ограду изъ кольевъ для предохраненія отъ дикихъ звѣрей, но кругомъ не было кольевъ и, насколько я могъ замѣтить, не было и дикихъ звѣрей. Тогда я пошелъ дальше, чтобы обойти весь островъ и посмотрѣть, не найду ли я на мокромъ пескѣ слѣдовъ каннибаловъ. Я прошелъ съ добрый кусокъ, не видя ни слѣдовъ, ни лодокъ на водѣ. Тогда я пошелъ назадъ и нашелъ на пути вѣрный признакъ цивилизациі, отъ котораго забилось мое сердце, — старый кувшинъ, заржавѣвшій и согнутый, но я рѣшилъ не бросать его: онъ могъ еще мнѣ пригодиться. Я наполнилъ его водою, чтобы выдержать осаду на случай, если бы пришли каннибалы. Теперь мнѣ стало очень жарко, и я усталъ. Я полѣзъ въ лодку, съѣлъ мой единственный оставшійся бутербродъ, выпилъ немного воды; вспомнивъ, что сегодня знаменитое 4-е, что всѣ наши на пикникѣ, маршируютъ и стрѣляютъ изъ пушекъ и имъ такъ весело, а мнѣ даже нечѣмъ пообѣдать, и я не увижу фейерверка и долженъ буду умереть съ голода на пустынномъ островѣ, — я поплакалъ немножко, хотя и старался быть такимъ храбрымъ, какимъ должны быть люди въ подобномъ положеніи. Но ничто не помогало, хотя я всячески старался удержать слезы — никакое стараніе не помогало.

Я соснулъ немного и почувствовалъ себя лучше.

Я спросилъ себя: «Что сдѣлалъ бы Робинзонъ Крузо?»

— А, — сказала я, — онъ взялъ бы палку и сдѣлалъ бы на ней надрѣзъ, чтобы знать, сколько дней онъ тамъ пробудеть.

И я взялъ палку, сдѣлалъ на ней надрѣзъ, а остальное послѣобѣда наблюдалъ, не покажется ли корабль.

Но корабль не показывался.

Я нашелъ нѣсколько раковинъ, но онѣ были пустыя. Я былъ очень голоденъ. Стемнѣло, и я полѣзъ въ лодку, закрылся сюртукомъ профессора и спокойно спалъ всю ночь; я такъ усталъ и такъ боялся.

Настало утро. Я позавтракалъ одной водою. Я чувствовалъ сильную боль въ желудкѣ и вспомнилъ, что индѣйцы стягиваютъ покрѣпче свои пояса, чтобы не чувствовать голода; но у меня не было пояса, а потому я далъ волю голоду. Я сдѣлалъ еще надрѣзъ на палкѣ и пошелъ бродить, чтобы поискать гдѣ-нибудь хлѣбное дерево, но его не было на островѣ. На немъ ничего не было, кромѣ песку и маленькихъ кривыхъ елокъ; боль въ желудкѣ у меня была страшная. Я вспомнилъ, какъ часто я совершенно беззаботно отдавалъ Каро свой мясной пащеть.

Мнѣ очень хотѣлось знать, что было сегодня за обѣдомъ у нашихъ, и ищутъ ли они еще маленькаго Жоржи. Можетъ быть, они рады, что, наконецъ, отдѣлались отъ него: онъ былъ такой негодный. Они никогда не найдутъ его, хотя бы искали мѣсяцъ, или даже цѣлый годъ. Ахъ, когда маленькіе мальчишки убѣгаютъ изъ своего милаго, хорошаго дома, какъ мало знаютъ они, что придется испытать имъ, если они попадутъ на пустынный островъ.

Я все время чувствовалъ голодь. Я думалъ о многихъ, многихъ вещахъ, въ особенности о вафляхъ съ медомъ. Я все смотрѣлъ, не пройдетъ ли корабль. Солнце зашло. Я чувствовалъ себя все хуже и хуже. Я стоялъ на берегу и вдругъ увидѣлъ его недалеко, — я говорю про корабль. Я побѣжалъ, схватилъ свою палку, привязалъ къ ней платокъ и сталъ махать, но мнѣ не стоило такъ выбиваться изъ силъ: они рассказали мнѣ послѣ, что направили корабль прямо на диковинную штуку, которая была привяза-



Я схватилъ палку и привязалъ къ ней платокъ.

на къ дереву. Было почти темно, когда они приблизились и спустили лодку съ тремя людьми, которые причалили къ берегу.

— Здорово! — закричали они, увидѣвъ меня.

— Здравствуйте, — сказалъ я, очень обрадованный, что они были здѣсь.

— Пусть възлечу на воздухъ, если когда-нибудь испытать что-либо подобное! — сказалъ кто-то изъ нихъ.

— Я испыталъ, — сказалъ я, — только одинъ разъ, но зато все-рѣзъ. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь поѣсть на кораблѣ? Мой шаръ упалъ здѣсь, гдѣ не растетъ даже хлѣбнаго дерева, ни даже кусочка арбуза. Я умираю съ голода. — И тогда я чуть-чуть не заплакалъ, но я не сдѣлалъ бы этого ни за что на свѣтѣ; удержавшись отъ слезъ, я спросилъ ихъ:

— Вы американскіе, или англійскіе матросы? — Они сказали, что они англичане изъ Канады, но теперь ѣдутъ въ Буффало, не хочу ли я ѣхать съ ними?

Они взяли меня на корабль, капитанъ какъ разъ сидѣлъ за ужиномъ; онъ былъ очень вѣжливъ и пригласилъ меня сѣсть къ нему безъ всякой церемоніи. Тамъ была жареная рыба, печеный картофель,

хлѣбъ, масло и кофе. Прекрасная ѣда, но я читалъ, что люди, которыхъ спасаютъ, должны сначала ѣсть какъ можно меньше: поэтому я поблагодарилъ его уже послѣ четвертой порціи рыбы, яицъ и картофеля и кончилъ ѣсть послѣ пятого куска говядины.

Онъ послалъ людей за шаромъ послѣ того, какъ я рассказала ему, кому принадлежитъ и сколько тысячъ долларовъ онъ стоилъ. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и я буду благодаренъ ему.

Мы плыли четыре дня и четыре ночи, прежде чѣмъ прибыли въ Буффало, но я провелъ время очень приятно съ матросами, которые сдѣлали меня своимъ любимцемъ, потому что ничего не знали о моей дурной славы. Я рассказывалъ имъ про моихъ сестеръ, про новаго бэби, про телеграфнаго чиновника и еще про многое, что ихъ очень интересовало; а они рассказали мнѣ про морскихъ змѣй, про русалокъ и про другія морскія чудища, про то, какъ завязываютъ матросскій узелъ, какъ влѣзаютъ на мачту и проч. Я старался какъ можно меньше причинять беспокойства, но я два раза упалъ за бортъ въ глубокомъ мѣстѣ, и они должны были прыгать за мною въ воду, и я потерялъ въ водѣ серебряные часы Бена, которые подарила ему его мать, но я обѣщалъ подарить ему еще лучшіе, когда приѣду домой. Матросы вытатуировали мнѣ якорь и корабль на моей рукѣ, чтобы родители мои узнали меня, когда я въ слѣдующій разъ потеряюсь. Мнѣ было очень грустно проститься съ матросами, когда мы приѣхали въ Буффало. Я обнималъ и цѣловалъ ихъ всѣхъ и пролил нѣсколько слезинокъ, а они написали мнѣ свои имена съ красивымъ росчеркомъ и дали мнѣ на память. Капитанъ отвезъ меня на желѣзную дорогу и сказалъ кондуктору, что за меня заплатятъ, когда я приѣду, точно я былъ пакетъ съ наложеннымъ платежомъ.

Я ѣхалъ цѣлый день. Было уже темно, когда я доѣхалъ до нашей станціи. Я взялъ слово съ капитана,

что онъ не будетъ телеграфировать, что я ѣду, потому что я хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ нашимъ.

Я вышелъ изъ вагона и пошелъ домой заднимъ переулкомъ, чтобы посмотреть, что они скажутъ, когда я приду неожиданно-негаданно. О, какъ забилось мое сердце, когда я подошелъ ближе! Мнѣ казалось, что я уже нѣсколько лѣтъ, 100 лѣтъ не былъ дома. Я тихо прошелъ на задній дворъ и заглянулъ въ окно столовой. О, какая куча вкусныхъ вещей была у насъ за ужиномъ! Но они всѣ сидѣли за столомъ, какъ муміи, и почти не прикасались къ блюдамъ. Мама держала передъ глазами носовой платокъ. Бессъ была блѣдна и ничего не говорила. Бетти рыдала, когда принесла хлѣбъ; Лиль и Монтэю — вотъ такъ общество! Тогда я прыгнулъ прямо въ открытое окно, какъ резиновый мячикъ, и сказалъ:

— Ну, господа, у васъ былъ бы лучшій аппетитъ, если бы вы поголодали на пустынномъ островѣ, какъ я. О, Боже, какъ я голоденъ, дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть!

Великій Боже... но я не могу этого описать, я опускаю завѣсу. Только одно меня особенно поразило — семьи негодныхъ мальчиковъ такъ рады возвращенію потерянныхъ, какъ будто они уже не такія чудовищныя дѣти. Но я получилъ хорошій урокъ и теперь буду стараться заслужить то, что Бетти почти до-смерти задушила меня, говоря, что хочетъ только обнять меня. Даже маленькое смѣшное бэби смѣялось, когда увидѣло своего дядю Жоржи.

Хорошо, что капитанъ захватилъ съ собою шаръ: воздухоплаватель предъявилъ къ моему отцу искъ въ 7000 долларовъ, а теперь папѣ придется уплатить только за заплаты, которыя надо нашить на тѣ мѣста, гдѣ я ножомъ прорѣзалъ дырки. Мои сестры хотѣтъ послать капитану шелковый флагъ, а каждому изъ моихъ друзей, англійскихъ матросовъ, — серебряные часы. Онѣ ужасно милыя, мои сестры.

На паровозъ.

Дядѣ Самсону такъ надоѣло жить у насъ, что онъ взялъ да и уѣхалъ. Онъ ушелъ надутый и даже не подарилъ мнѣ пони на память. Мнѣ было очень неприятно разстаться съ моимъ дорогимъ дядей, прежде чѣмъ онъ купитъ мнѣ пони. Если бы онъ былъ у меня, я не такъ горевалъ бы объ отъѣздѣ дяди. Онъ собирался уѣхать не раньше осени, но неожиданныя обстоятельства заставили его уѣхать раньше. Теперь вакаціи, и у насъ, мальчиковъ, довольно времени для игръ. Вотъ мы и устроили выставку въ сараѣ отца Чарли; послѣ обѣда плата за входъ 3 цента, взрослые платятъ половину. Чарли изображалъ обезьяну, Гарри — медвѣдя, а я — «большое чудовище». У насъ были еще другіе звѣри и нѣсколько отдѣленій. Я пошелъ къ цирюльнику и велѣлъ обрить себѣ голову, а потомъ Чарли выкрасилъ мнѣ лицо и руки темно-коричневою краскою. Ему пришлось взять настоящую, которая осталась отъ рѣшетки, потому что другой у насъ не было, и я выглядѣлъ хорошо. Только она не сойдетъ цѣлое лѣто, и я не могу ходить въ церковь. Я самъ не узнаю себя, когда смотрю въ зеркало. Бессъ говоритъ, что досадно сидѣть за однимъ столомъ съ негромъ. Она находитъ, что мнѣ лучше обѣдать съ Бетти, но Бетти тоже не хочетъ сидѣть за однимъ столомъ съ чудовищемъ. И когда нѣтъ гостей, мама оставляетъ меня наверху.

Но дядя былъ золъ только потому, что я взялъ напрокатъ его искусственные зубы, чтобы имѣть болѣе дикій видъ, и уронилъ ихъ въ колодезь около дома Чарли. Было очень жарко. Я не хотѣлъ ихъ уронить. Колодезь имѣетъ 60 футовъ глубины, и человѣкъ, который полѣзъ въ него, не могъ ихъ найти. Зубы были золотые и стоили кучи денегъ, и дядя чуть было не умеръ съ голода, прежде чѣмъ получилъ новую челюсть. Мнѣ было очень

жалъ его во время ѣды, но онъ не хотѣлъ принимать извиненій отъ такого сквернаго мальчика. Какъ только дядя получилъ новые зубы, — изъ никеля, или резины, я ужъ, право, не знаю, — такъ что могъ показаться на улицѣ, онъ заказалъ карету и велѣлъ отвезти свои вещи въ гостиницу.

У Гарри былъ осликъ, котораго мы хотѣли превратить въ слона-бэби, и я взялъ потихоньку отъ моей сестры ея кашемировую шаль, чтобы ею покрыть ослика. Но ему нужно было имѣть хоботъ, иначе все представленіе было бы испорчено, и мы не нашли ничего болѣе подходящаго, какъ дядину слуховую трубку. Мы ее легко придѣлали, и она выглядѣла отлично. Затѣмъ мы ему сдѣлали болѣе толстыя ноги, обернувъ ихъ попонами съ лошадей отца Чарли, и обвязали красною шалью, и тогда онъ выглядѣлъ совсемъ какъ настоящій маленькій слонъ. Чтобы посмотреть только на него, стоило заплатить 3 цента. Но дядя дня два не могъ слышать; осликъ забылъ, что онъ слонъ, прыгалъ, какъ бѣшеный, и всюду втискивалъ свой хоботъ. Это, вмѣстѣ съ его зубами, было уже слишкомъ для моего дяди, терпѣніе его лопнуло: онъ былъ такъ золъ, что мама расплакалась.

Не знаю, можетъ быть, онъ и не ушелъ бы, но мы взяли его лучший шелковый костюмъ, который онъ получилъ въ Японіи, и надѣли его Чарли, чтобы онъ изображалъ турка, а изъ его краснаго носового платка сдѣлали чалму. На костюмъ попала краска, когда мы въ сараѣ случайно опрокинули горшокъ съ краской, и платье было испорчено. Это было очень досадно, потому что матерія была красивая — все шелковые цвѣточки.

Чарли могъ бы быть осторожнѣе. Но представленіе вышло чудесное. Пришли 13 мальчиковъ и три дѣвочки. Мы выручили 50 центовъ,

которые пожертвуемъ въ пользу бѣдныхъ рабовъ. Мнѣ все равно, что дядя переѣхалъ въ отель. Бетти сообщила мнѣ по секрету, что онъ ей уже опротивѣлъ. Онъ говоритъ, что я, благодаря дурному поведенію, потерялъ большое счастье, но я думаю, мнѣ не нужно счастья: у меня вдоволь забавъ, и я всегда сытъ. Я не хотѣлъ разсердить его, когда лучшую косу моей сестры приклеилъ къ голому пятну на его головѣ; я только хотѣлъ посмотреть, не будетъ ли онъ похожъ на китайца, но нѣкоторые люди совсѣмъ не понимаютъ шутки. Бессъ говоритъ, что я испортилъ ей косу, которая стоитъ 10 долларовъ. Зачѣмъ же тогда она ее носить? Дѣвочкамъ было бы удобнѣе въ жаркую погоду остричься, подобно мнѣ.

Сегодня вечеромъ вдругъ позвонили у воротъ. Сестра посмотрѣла въ щелку и сказала:

— О, Жоржи, это тѣ важные люди, у которыхъ я на той недѣлѣ была въ гостяхъ. Въ ихъ семействѣ есть страшно симпатичный молодой человѣкъ. Бетти ушла. Ты кстати выглядишь какъ негръ-лакей. Знаешь что, пойди отвори имъ, введи ихъ прилично сюда, а самъ удались. Они недолго останутся.

Я отворилъ дверь, расшаркался наподобіе лакеевъ въ отелѣ и попросилъ ихъ въ залу. Потомъ я вышелъ, какъ сказала мнѣ Бессъ. Но мнѣ стало скучно въ квартирѣ, и я опять шмыгнулъ въ залу и подошелъ къ стереоскопу, чтобы посмотреть въ него.

— Жоржи, — сказала мнѣ тихо сестра, — уйди отсюда.

— Зачѣмъ? — сказалъ я. — Ахъ, да, я забылъ. Но не все ли равно, они же увидятъ, что это твой маленькій братъ, хотя бы я былъ даже мулатъ. Ты не можешь выдавать меня за маленькаго лакея.

Тѣ удивленно смотрѣли на насъ, и сестра должна была объяснить имъ, что я выкрасилъ себѣ лицо, и краска еще не сходитъ. Тогда они сказали:

— Ахъ, да, мы слышали про него; вѣдь это, кажется, тотъ самый мо-

лодой человѣкъ, который одинъ поднялся на аэростатъ и т. д.

Мнѣ кажется, весь городъ говорить обо мнѣ, потому что у меня было нѣсколько злоключеній. Гдѣ бы я ни находился, вездѣ меня поднимаютъ на смѣхъ. Мнѣ противно выходить на улицу, мужчины издѣваются надо мною. Они меня называютъ не иначе, какъ «чудовище». Мнѣ хотѣлось бы, чтобы краска поскорѣе сошла. Я скажу Бетти, чтобы она терла меня пескомъ.

* * *

Ничто не помогаетъ. Моя шутка зашла слишкомъ далеко. Меня такъ высмѣиваютъ, дурачатъ и дразнятъ, что просто силъ моихъ нѣтъ. Я думаю убѣжать къ тетѣ Бетси и остаться тамъ, пока сойдетъ вся краска. Совсѣмъ невыгодно одну недѣлю за другой изображать чудовище. Въ самомъ дѣлѣ, моя тетка, пожалуй, и не узнаетъ меня. Я наймусь къ ней на службу въ качествѣ мальчика-негретенка, предложу ей за пропитаніе и квартиру чистить малину. Надѣюсь, что къ сентябрю, когда начнется школа, я опять буду бѣлымъ. Когда я иду по улицѣ, дураки предлагаютъ мнѣ кокосовые орѣхи. Докторъ Муръ называетъ меня «недостающимъ членомъ». Они говорятъ, что откроютъ подписку, чтобы заплатить за мой проѣздъ; они хотятъ послать меня къ Дарвину. Они воображаютъ себя ужасно остроумными. Я былъ на концертѣ, и они даже не позволили мнѣ сидѣть рядомъ съ моей родной сестрой, а пустили только на галерею. Мнѣ все это противно. Слѣдующій разъ, когда Чарли устроитъ представленіе, онъ самъ можетъ быть чудовищемъ.

* * *

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже сходить, и они зовутъ меня «леопардомъ». Ужасно, какія послѣдствія можетъ имѣть то, о чемъ совсѣмъ не думаешь. Я всегда думаю, что мнѣ лучше всего быть инженеромъ, если ужъ не быть матросомъ, или обитателемъ лѣсовъ. Я очень охотно бываю на станціи. Люди тамъ

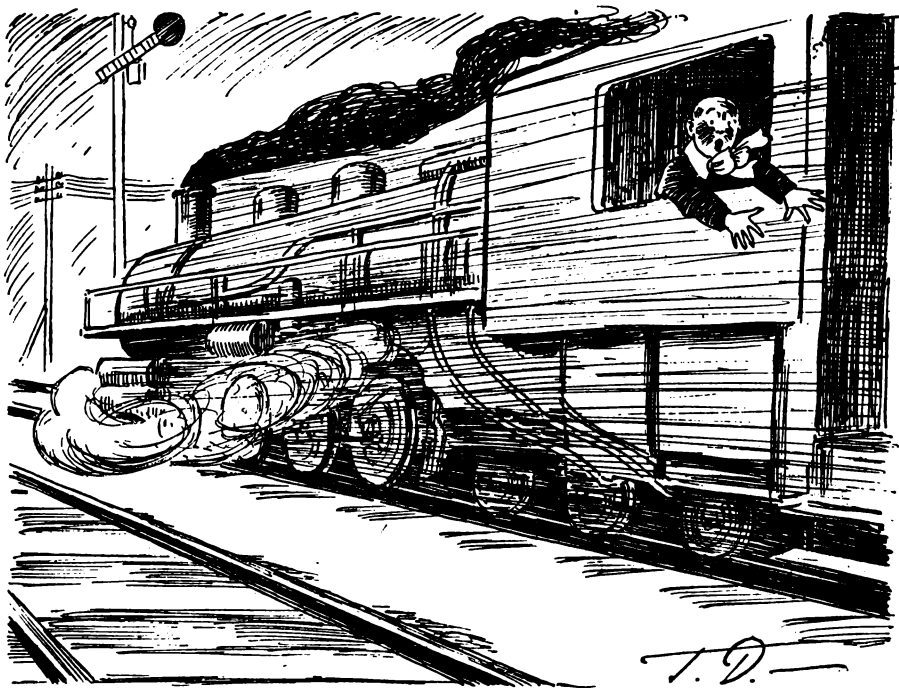
очень любезны со мной, только они шокируют меня. Они часто смѣялись надъ моей бѣдой, когда узнавали о ней, но теперь имъ не до смѣха, они готовы плакать. Билль Биллоусъ — машинистъ на товарномъ поѣздѣ, который всегда здѣсь останавливается, онъ одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ. Онъ давно общалъ взять меня на поѣздъ, пока будетъ ждать пассажирскаго, и все объяснить, о чемъ я буду спрашивать. Вотъ я вчера и былъ съ нимъ и спросилъ его, какъ приводить машину въ движеніе, и онъ мнѣ показалъ.

— Ты, пожалуй, и самъ бы могъ вести ее, а, мальчуганъ? — сказалъ онъ.

Потомъ онъ и кочегаръ рѣшили, что у нихъ еще есть время пойти за уголь въ залъ и достать почку табаку, пока подойдетъ пассажирскій поѣздъ, и они пошли. Билль помогъ мнѣ слѣзть и сказалъ, чтобы я побѣжалъ на станцію для предупрежденія бѣды. Но мнѣ хотѣлось знать, какъ эта старая штука двигается, и я прыгнулъ туда, благо тотъ не замѣтилъ, потому что пилъ

изъ стакана содовую воду. Я повернулъ штуку, которую онъ мнѣ показалъ, и, прежде чѣмъ я могъ опомниться, машина была уже въ движеніи. Я кричалъ, чтобы она остановилась, но напрасно. Дрянь эта бѣжала все скорѣе. Машинистъ и кочегаръ выскочили изъ буфета; ничего подобнаго я никогда не видалъ: они были блѣдны какъ смерть и бѣжали по грязи какъ безумные, но паровозъ удиралъ отъ нихъ какъ перышко. Я видѣлъ, люди бѣгали и ломали руки, и вспомнилъ тотъ день, когда я поднялся на шаръ, и мнѣ стало очень скверно. Я ужъ былъ далеко въ полѣ и тащилъ за собой всѣ эти товарные вагоны; я вспомнилъ, что черезъ пять минутъ долженъ прибыть пассажирскій поѣздъ, и такъ испугался, что не могъ даже думать о томъ, чтобы задержать его, такъ какъ ѣхалъ прямо навстрѣчу другому. Я подумалъ только: «вотъ затрещитъ-то!»

Было хуже чѣмъ на шаръ — подумать только, что будетъ съ людьми, которые находились въ встрѣчномъ поѣздѣ! Я плакалъ и вздыхалъ, но это было бесполезно. Я



Прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, машина была въ движеніи.

голосъ (въ унисонъ), и только великіе европейскіе композиторы создали гармоническое сплетеніе разныхъ самостоятельныхъ голосовъ (контрапунктъ), — русскіе крестьяне испоконъ вѣковъ пѣли на разные голоса и создавали, сплетеніемъ мелодическихкихъ, всегда красивыхъ и почти всегда унылыхъ и протяжныхъ голосовъ, прекрасное и богатое гармоническое цѣлое. Кто изъ настоящихъ европейцевъ не знаетъ культурной Россіи, Россіи — Левицкаго, Боровиковскаго, Аргунова, Брюллова, Иванова, Егорова, и въ наши дни Сѣрова, Врубеля, Сомова; Россіи — Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Бородина, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Лядова, Глазунова, Скрябина, Рахманинова; Стравинскаго; Россіи — Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевскаго, Чехова? — Рѣдкій современный концертъ въ Берлинѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ обходится безъ исполненія произведеній русскіхъ композиторовъ, и рѣдкій грамотный, образованный европеецъ не читалъ и не перечитывалъ романовъ Толстого и Достоевскаго, можетъ быть, внимательнѣе и любовнѣе, чѣмъ мы — народъ, создавшій Толстого и Достоевскаго...

Мы не могли, быть можетъ, создать прочнаго государственнаго порядка и государственно воспитать себя, но мы создали великую русскую культуру. Намъ есть что беречь, и День Русской Культуры, устремляющій взоры всѣхъ русскіхъ во всѣхъ концахъ міра къ ихъ духовной родинѣ, есть не просто день памяти, но нашъ національный праздникъ, наше торжество, наше оправданіе передъ міромъ. Хотя бы разъ въ годъ, мы должны вспомнить нашу духовную родину и черпать въ этотъ день силы для нашей будничной работы; хотя бы разъ въ годъ мы должны вспомнить, что принадлежимъ къ народу, создавшему великую культуру, для того, чтобы помнить о ней постоянно, постоянно беречь наше святое святыхъ, нашу національную святыню... Празднуя День

Русской Культуры, празднуя нашъ праздникъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ, что мы все время, всѣ 365 дней въ году, остаемся вѣрными Россіи, русской культурѣ, что мы не перестаемъ быть русскими, съ какими бы народами мы ни приходили въ общеніе, какіе бы иностранные языки ни изучали, какія бы иностранныя школы — столь нужныя Россіи — ни проходили... Это сознаніе и это чувство живы во всѣхъ русскіхъ, отрѣзанныхъ отъ своей родины, и потому-то такъ удивительно единодушно, безъ споровъ, пререканій и партійныхъ счетовъ и распрей, былъ радостно принятъ День Русской Культуры за рубежомъ Россіи. Не могло быть споровъ и сомнѣній и въ томъ, въ какой именно день нужно праздновать праздникъ русской культуры — 6-го іюня (н. ст.), въ великій и радостный для Россіи день рожденія русскаго національнаго гения — Пушкина.

Пушкинъ родился 6-го іюня (по н. ст., 26-го мая по старому) 1799 года, но русская культура родилась не съ Пушкинымъ, не съ Пушкина началась. Русская культура неизмѣримо древнѣе Пушкина; Пушкинъ имѣлъ за собой многовѣковую исторію, которую любилъ и которой гордился, о которой писалъ своему другу П. Я. Чаадаеву, отрицавшему культурное бытіе Россіи до Петра Великаго: «Клянусь Вамъ моею честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы ни перемѣнить родину, ни имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи нашихъ предковъ, какою намъ ее далъ Богъ».

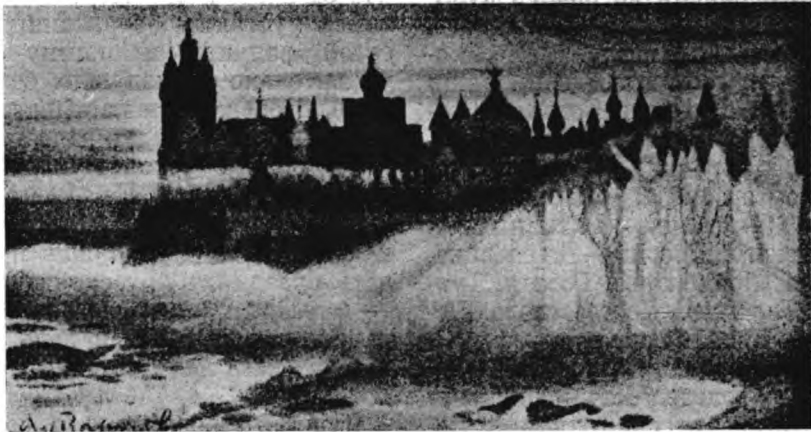
Пушкинъ — совершеннѣйшее и полнѣйшее выраженіе всѣхъ духовныхъ силъ народа, Пушкинъ — подлинный создатель великой національной мировой русской литературы — былъ созданъ этой «исторіей нашихъ предковъ» и явился плотью отъ плоти и кровью отъ крови этой исторіи.

Рожденіе Пушкина было такъ органически связано со всей предшествующей исторіей русской культуры, что зачеркивать, отрицать послѣднюю — значитъ отрицать и

Пушкина, какъ великое явленіе и проявленіе русской культуры.

Глубоко ошибоченъ очень распространенный (особенно среди европейскихъ братьевъ) взглядъ, по которому Россія представляется варварской до того чудеснаго момента, когда Петръ Великій «въ Европу прорубилъ окно». Да, въ русской исторіи бывали темныя времена не-

духовныя родины — Россію и Европу. Когда Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу» (а прорубилъ онъ тогда, когда уже дуло изъ всѣхъ щелей) — родной и знакомый вѣтеръ потянулъ съ запада, и нашъ великанъ, наша національная гордость — великая русская литература стала расти не по днямъ, а по часамъ, и меньше чѣмъ черезъ сто-



Сказка о царѣ Салтанѣ. Тридцать три богатыря, карт. А. Васнецова.

вѣжества и невѣжественнаго самоудовольства, когда Россія готова была оградиться отъ всего культурнаго міра высочайшей китайской стѣной, но этимъ временамъ предшествовали другія времена — вѣка напряженной культурной работы, вѣка напряженнаго культурнаго строительства. Уже въ XII вѣкѣ существовала подлинная, высокая русская культура (стоявшая, во всякомъ случаѣ, не ниже западно-европейскаго средневѣковья) — культура самобытная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не враждебная европейской культурѣ. Владѣніе четырьмя и даже шестью иностранными языками было не особенно рѣдкимъ явленіемъ въ нашемъ XII вѣкѣ — въ золотомъ вѣкѣ древней русской культуры. И такъ было всегда, во всѣ времена русской исторіи: русская культура складывалась изъ своихъ національныхъ, самобытныхъ началъ и изъ воздѣйствія на нихъ европейской культуры; русская культура всегда имѣла двѣ

лѣтѣ дала изумительное явленіе — Пушкина, царя-поэта, явившагося въ результатѣ развитія русской литературы XVIII вѣка отвѣтомъ на дѣло великаго царя — Петра.

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» Пушкинъ говоритъ о памятникѣ Петру Великому удивительными словами, полными силы, восторга и значительности:

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ.
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

Великимъ именемъ Пушкина мы теперь можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ...

Русская культура, повторяю, гораздо древнѣе Пушкина, и русская культура создала Пушкина, но не можетъ быть другого дня для празднованія русской культуры, кромѣ дня рожденія Пушкина, ибо явленіе Пушкина — праздничное явленіе

ніе русской культуры, праздни́къ русской культуры, ибо Пушкинъ — самое совершенное и самое полное выраженіе всѣхъ духовныхъ силъ русскаго народа, ибо Пушкинъ — первый великій русскій національный поэтъ и создатель той великой русской литературы, которая вошла въ семью великихъ европейскихъ — мировыхъ литературъ.

Въ Пушкинѣ наиболѣе полно и гармонично выразились всѣ свойства русской души, въ Пушкинѣ вполнѣ проявились и тѣ двѣ родины — Россія и Европа, — которыя создавали русскую культуру. Пушкинъ воспитался французами-гувернерами и русской крѣпостной няней Ариной Родионовной; Пушкинъ воспитался на французской литературѣ и на русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ; но «французъ» Пушкинъ (какъ его называли его товарищи по Царскосельскому лицее) еще больше, чѣмъ книгами и сказками, былъ воспитанъ русской природой и русской жизнью, русской вѣковой исторіею, — и потому этому «французу» суждено было стать величайшимъ русскимъ національнымъ поэтомъ.

Поистинѣ чудесно и изумительно богатство творческой души Пушкина. Къ Пушкину можно обратиться съ его же словами:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рожь, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И плешь отвѣтъ...

Поистинѣ чудесно и изумительно и это разнообразіе («на все отзывался онъ сердцемъ своимъ, что просить у сердца отвѣта»), и способность Пушкина какъ бы перевоплощаться, отрѣшаться отъ себя и создавать міръ античной Греціи и Рима, міръ русской народной сказки, міръ библейскій и мусульман-

скій и міръ средневѣковья; поразительна эта способность угадывать и чувствовать природу и душу Франціи, Англии, Гѣрмани, Испаніи, Португаліи, Италіи, Сербіи.

Трудно повѣрить, что Пушкинъ не зналъ греческаго языка — такъ его антологическія стихотворенія передаютъ душу и форму греческой поэзіи. И если бы мы не знали біографіи Пушкина, если бы не знали, что Пушкинъ родился 26-го мая 1799 года и умеръ 29 января 1837 года, мы могли бы принять его за современника Петра Великаго или Екатерины II-ой — такъ воскрешаетъ онъ жизнь, духъ, языкъ и мелочи XVIII вѣка въ «Арапѣ Петра Великаго» и въ «Капитанской Дочкѣ». Рядомъ — «Борисъ Годуновъ», давно ушедшая русская старина, и тутъ же: «Скупой Рыцарь», «Монахъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Египетскія ночи», гораціанскія оды.

Изъ біографіи Пушкина мы знаемъ, что онъ только стремился постоянно за границу, но никогда не былъ въ Европѣ. Это біографическій фактъ, но какъ ему повѣрить! Какъ повѣрить тому, что не въ Испаніи, а въ Россіи, мокрой дождливой осенью, въ селѣ Болдино, въ глуши Нижегородской губерніи, Пушкинъ писалъ:

Какъ небо тихо.

Недвижимъ теплый воздухъ; ночь ли-
момомъ

И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной, —
И сторожа кричатъ протяжно: ясно...
А далеко на сѣверѣ — въ Парижѣ —
Быть можетъ небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ, и вѣтеръ дуетъ...

Какъ повѣрить тому, что Пушкинъ вычиталъ изъ книгъ, угадалъ англійскій тонъ, англійскую музыку души, которую мы слышимъ въ его пѣснѣ Мери:

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресенье бывало
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса...

А скупой рыцарь, а другой сред-
невѣковый рыцарь, мистически
влюбленный въ Дѣву...

Все это — подлинная Европа, на-
ша вторая родина. И рядомъ —
другая, родная наша родина, род-
ная природа, родная душа:

Песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитка, сломанный заборъ;
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ —
Раздолье утокъ молодыхъ...

Рядомъ — прекрасная Татьяна,
«милая Таня», «русская душою»,
одинъ изъ самыхъ совершенныхъ
русскихъ женскихъ образовъ, —
Маша «Калитанской Дочки»; ря-
домъ русскій сказочный міръ и
міръ русской народной пѣсни —
тысячелѣтней русской пѣсни, кото-
рую никто такъ не понималъ и не
чувствовалъ, какъ Пушкинъ.

Пушкинъ передалъ Кирѣевскому,
извѣстному собирателю русскихъ
народныхъ пѣсень, пѣсни, записан-
ныя имъ среди крестьянъ Псков-
ской губерніи, и пѣсни, написан-
ныя, сочиненныя имъ самимъ, и
предложилъ ему какъ-нибудь на
досугѣ разобраться, какія пѣсни
онъ записалъ и какія написалъ. И
у Кирѣевского, и у изслѣдователей
русскаго народнаго творчества въ
теченіе вѣка было много досуга, но
вопросъ этотъ остается неразрѣшен-
нымъ и до сихъ поръ. И невозмо-
жность отличить пѣсни Пушкина
отъ пѣсень, созданныхъ вѣками,
больше всего говорить о томъ, на-
сколько Пушкинъ русскій, насколько
онъ сливался съ русскимъ на-
роднымъ творчествомъ и впитывалъ
его въ себя.

Быть можетъ, иностранные ученые
найдутъ, что западные міры, создан-
ные Пушкинымъ, не вполне и не
совершенно соответвуютъ подлин-

нымъ западнымъ мірамъ: для насъ,
русскихъ, произведенія Пушкина ри-
суютъ подлинную Европу, ибо мы
иначе не можемъ ее воспринять,
какъ воспринималъ ее Пушкинъ, —
Пушкинъ весь нашъ, Пушкинъ —
мы, Пушкинъ — наша національная
гордость и лучший носитель и пред-
ставитель нашей культуры передъ
Европой.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смер-
ти Пушкинъ создалъ свой «Памят-
никъ»:

Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотвор-
ный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

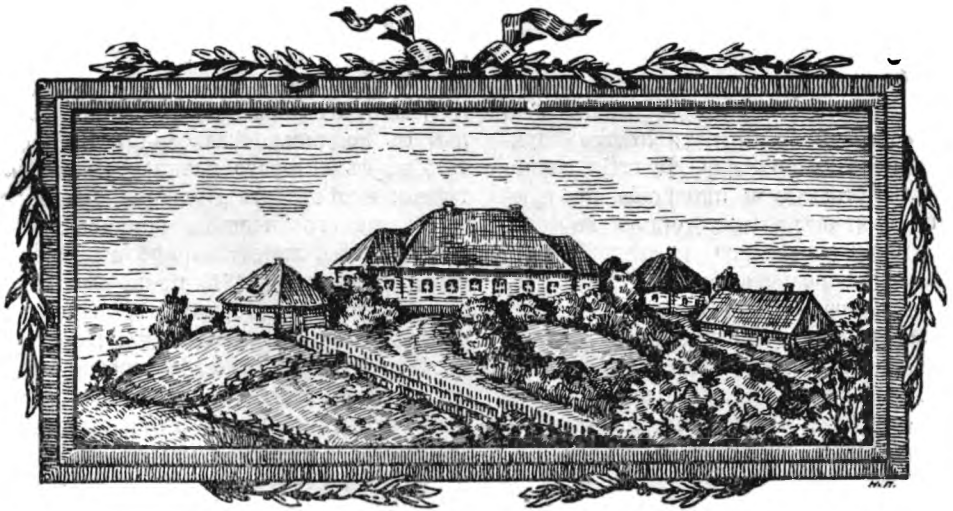
Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ за-
вѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣ-
житъ, —
И славецъ буду я, доколь въ подлунномъ
мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пить.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси
великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней
языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и
нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробу-
ждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я
свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приѣмлив равнодушно
И не оспаривай глупца.

До тѣхъ поръ, пока не зарастетъ
народная тропа къ Пушкину, до
тѣхъ поръ, пока живъ въ насъ
Пушкинъ, — жива русская культу-
ра, жива Россія.



Жизнь и творчество Пушкина.

Статья Е. Андрусовой.

26 мая 1799 г., въ день Вознесения Господня, въ Москвѣ, у отставнаго гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина, фамилія котораго встрѣчается въ лѣтописи ещё во времена Іоанна Грознаго, родился сынъ Александръ. Жена Сергѣя Львовича, Надежда Осиповна была внучкой Арапа Петра Великаго — Ибрагима Ганнибала. Надежда Осиповна не любила некрасиваго, неповоротливаго сына Александра и открыто отдавала предпочтеніе старшей дочери Ольгѣ и младшему сыну Льву. Единственными друзьями дѣтства Александра были бабушка Марья Алексѣевна Ганнибалъ и не разъ воспѣтая имъ впоследствии няня Арина Родионовна. Марья Алексѣевна выучила внука грамотѣ и увлекала его разсказами о старинѣ, а няня — народными сказками, которыя отлично знала и передавала. Въ 7-лѣтнемъ возрастѣ ихъ питомецъ изъ робкаго неподвижнаго мальчика превратился въ развязнаго шалуна.

По обычаю того времени, Пушкины выписали къ дѣтямъ иностранныхъ воспитателей; даже русскому языку ихъ обучалъ нѣмецъ Шиллеръ. Александръ былъ лѣнивъ, но, обладая прекрасной памятью, легко запоминалъ уроки, когда ихъ отвѣчала его сестра. Особенно не долубливалъ онъ арифметику и нѣмецкій

языкъ; зато французскимъ владѣлъ въ совершенствѣ, зналъ англійскій и итальянскій языки. Съ 9-го года въ немъ начала развиваться страсть къ чтенію, которая не оставляла его всю жизнь. Свободный доступъ къ отцовской библіотекѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ французскихъ произведеній 17—18 столѣтій, вызвалъ къ дѣятельности его творческую фантазію, которая стала выражаться во французскихъ стихахъ, но первые опыты юнаго поэта встрѣчали у старшихъ насмѣшки. Развитію творческихъ силъ впечатлительнаго и умнаго мальчика способствовало и частое общеніе съ писателями и поэтами, дядей Василиемъ Львовичемъ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ, Дмитриемъ и др., бывшими постоянными посѣтителями Пушкиныхъ. Воспоминанія дѣтства не нашли сильнаго отклика въ поэзіи Пушкина, быть можетъ потому, что ихъ затмили неизгладимыя впечатлѣнія лицейской жизни. Самое подробное воспоминаніе дѣтства, — воспоминаніе о подмосковномъ имѣніи, куда на лѣто ѣздили Пушкины, — мы находимъ въ лицейскомъ «Посланіи къ Юдину»:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами въ рѣкѣ волнистой --

Съ мостомъ и рошею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено, и т. д.

Наоборотъ, вся послѣдующая жизнь поэта необыкновенно ярко отразилась къ его творчеству, которое является лучшимъ источникомъ для изученія жизни поэта. Такъ, читая лицейскія произведенія Пушкина, мы знакомимся не только съ окружавшей его красотой Царско-сельскаго парка, но и съ его товарищами по лицее, съ ихъ совмѣстными шалостями и занятіями поэзіей, знакомимся съ литературными увлеченіями Пушкина, бывшаго тогда подъ вліяніемъ и иностранныхъ, и русскихъ поэтовъ, — изъ русскихъ, главнымъ образомъ, Батюшкова.

Узнавъ о предполагавшемся открытіи Царскосельскаго лицея, Пушкины опредѣлили туда 12-лѣтняго Александра, присутствіе котораго дома, благодаря его неукротимому характеру, стѣсняло ихъ. 12 августа 1811 г. Пушкинъ выдержалъ экзамень и былъ принятъ, въ числѣ 30 другихъ воспитанниковъ, въ лицей. 19 октября того же года состоялось торжественное открытіе лицея, и этотъ день остался навсегда памятнымъ Пушкину: 19-мъ октября озаглавлено нѣсколько его стихотвореній, даже въ послѣдній годъ жизни онъ написалъ «19 октября 1836 г.» Лицей предполагали сдѣлать образцомъ высшаго учебнаго заведенія, но, по смерти перваго директора, занятія пошли кое-какъ, и ученики были предоставлены самимъ себѣ. Имѣя много свободнаго времени и доступъ къ богатой лицейской библиотекѣ, Пушкинъ предался чтенію, главнымъ образомъ, французскихъ книгъ, за что и заслужилъ себѣ прозвище французца. Черноволосый, кудрявый Пушкинъ рѣзко отличался отъ товарищей, какъ наружностью, такъ и пылкимъ, задорнымъ, насмѣшливымъ нравомъ; но товарищи вскорѣ полюбили его, угадавъ въ немъ доброе сердце и видя его начитанность и поэтическій талантъ. Въ лицее нашлись еще любители поэзіи, и вскорѣ образовался литературный кружокъ, въ который, кромѣ Пушкина, вошли: Дельвигъ, Иличевскій, Корсаковъ, князь Горчаковъ, баронъ Корфъ, Ломоносовъ, Масловъ, Ржевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Благодаря работѣ въ кружкѣ, Пушкинъ перешелъ отъ французскихъ стиховъ къ русскимъ; въ ли-

цеѣ имъ было написано около 120 стиховъ и была начата поэма «Русланъ и Людмила». Первымъ увидѣло свѣтъ посланіе Пушкина «Къ другу-стихотворцу», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» съ подписью Александръ Н. К. Въ 1815 г., съ котораго начинается литературная извѣстность Пушкина, мы находимъ уже его полную подпись подъ стихами. Въ лицее, на публичномъ испытаніи 8 января 1815 г., на которомъ присутствовалъ Державинъ, Пушкинъ прочелъ свои «Воспоминанія о Царскомъ Селѣ» и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ объ этомъ испытаніи: «голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли».. Благодаря своему дарованію, Пушкинъ-лицейскъ сблизился съ Жуковскимъ, который сталъ его ангеломъ-хранителемъ и необыкновенно дорожилъ маѣніемъ юнаго поэта о его собственныхъ стихахъ, съ Карамзинымъ, Дмитриевымъ, Батюшковымъ и Тургеневымъ.

Въ іюнѣ 1817 г. Пушкинъ окончилъ лицей и вернулся къ родителямъ, которые теперь жили въ Петербургѣ, а на лѣто ѣздили въ Псковскую губернію, въ родовое село матери поэта — Михайловское, куда и попалъ поэтъ изъ лицея. Деревенская жизнь недолго привлекала любившаго городской шумъ и толпу Пушкина. Онъ мечталъ о поступленіи въ гвардію, куда уже зачислились 12 изъ его товарищей по лицее, но Сергѣй Львовичъ отказался содержать сына въ гусарскомъ полку. Пушкинъ записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, имѣя много свободнаго времени, сталъ вращаться въ высшемъ обществѣ и вести такой широкой образъ жизни, что оставался постоянно безъ денегъ. Осенью 1817 г. Пушкинъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества Арзамасъ, гдѣ его прозвали Сверчкомъ, т. к. онъ уже изъ лицея подавалъ голосъ своими стихами. На вечерахъ Жуковскаго Пушкинъ читалъ отрывки изъ «Руслана и Людмилы», а, по окончаніи послѣдней пѣсни поэмы, въ 1820 г. получилъ отъ Жуковскаго его портретъ съ надписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя».

Поэма произвела большое впечатлѣніе на петербургское общество своей новизной, остроуміемъ, живымъ реализмомъ. Кромѣ того, изъ рукъ въ руки переходили политическія эпиграммы поэта, которыя дѣлали его положеніе все болѣе опаснымъ. Пушкинъ былъ вызванъ къ генераль-губернатору, и у него, со свойственной ему благородной прямою, написалъ всѣ свои запретные стихи. По мнѣнію государя, Пушкина слѣдовало сослать въ Сибирь, но благодаря заступничеству директора лицея Энгельгарда и Карамзина, наказаніе было смягчено: Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ почетительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, въ Екатеринославль. Наскоро собравшись въ дорогу, Пушкинъ 5 мая 1820 г. оставилъ Петербургъ.

Въ Екатеринославлѣ, гдѣ онъ провель всего двѣ недѣли, на него произвело впечатлѣніе лишь одно событіе, — бѣгство изъ тюрьмы двухъ скованныхъ разбойниковъ, переплывшихъ Днѣпръ, — послужившее впоследствии темой для поэмы «Братья-разбойники». Купаясь въ Днѣпрѣ, Пушкинъ простудился и слегъ; его петербургскіе знакомые, Раевскіе, проѣздомъ на Кавказъ, навѣстили его и застали больнымъ и одинокимъ, въ избѣ. Генералу Раевскому, ветерану 1812 г., удалось выхлопотать для Пушкина отпускъ, и поэтъ, вмѣстѣ съ генераломъ, его сыномъ Николаемъ и двумя дочерьми, поѣхалъ лѣчиться на сѣверный Кавказъ. Проведенные тамъ два мѣсяца благотворно подѣйствовали и на здоровье, и на воображеніе поэта, задумавшаго тамъ необычайно ярко передающую могучую красоту Кавказскихъ горъ и быть горцевъ поэму «Кавказскій плѣнникъ». Окончивъ лѣченіе на Кавказѣ, Пушкинъ поѣхалъ съ Раевскими на южный берегъ Крыма, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось остальное семейство Раевского. Переѣздъ по Черному морю и трехнедѣльное пребываніе въ Юрзуфѣ оставили глубокой слѣдъ въ душѣ и поэзіи Пушкина. На кораблѣ, въ прекрасную южную ночь, онъ создалъ элегію «Погасло дневное свѣтило». Крымская природа и быть нашли яркое выраженіе въ написанной ужѣ въ Кишеневѣ поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ», а шумъ моря, который поэтъ любилъ слушать по ночамъ, —



Пушкинъ въ дѣтствѣ.

Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокой, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ

онъ вспоминаетъ спустя нѣсколько лѣтъ въ 8 главѣ «Евгенія Онѣгина».

Въ Юрзуфѣ, гдѣ подъ руководствомъ Раевскихъ, для практики англійскаго языка Пушкинъ началъ читать Байрона, у него появилось столь модное тогда во всей Европѣ увлеченіе британскимъ поэтомъ. У Байрона Пушкинъ нашелъ выраженіе своей собственной неудовлетворенности жизнью и недовольства собой, и это настроеніе онъ передалъ своимъ героямъ — Кавказскому плѣннику, Алеко въ «Цыганахъ» и, наконецъ, Онѣгину.

Въ Россіи увлеченіе идеями Байрона вело къ отрицанію старыхъ обычаевъ и предразсудковъ, и часто къ необузданной свободѣ. Попавъ изъ Юрзуфа въ кievское имѣніе Раевскихъ — Каменку, Пушкинъ нашелъ цѣлый кружокъ проникнутыхъ «байронизмомъ» людей, общение съ которыми еще больше развило вольнолюбіе въ сосланномъ поэтѣ. Въ его отсутствіе служба его была переведена въ Кишиневъ, гдѣ Пушкинъ и поселился у своего добраго, мягкаго начальника Инзова. Кишиневъ былъ заполненъ греками, турками, болгарями, евреями, французами и итальянцами, и

своей пестротой и шумомъ пришелся по душѣ поэту. Онъ набросился на развлеченія и своей необузданностью приводилъ въ ужасъ кишиневскихъ чиновниковъ. Пушкинъ дважды дрался на дуэли, бывалъ подъ домашнимъ арестомъ, или же получалъ командировки. Такъ, послѣ крупной карточной ссоры въ 1822 г., Пушкинъ былъ посланъ въ Измаиль и, во время этой поѣздки, нѣсколько дней кочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, что вдохновило его къ созданію поэмы «Цыганы». Въ маѣ 1823 г. Инзовъ сдалъ свою должность генералъ-губернатору Воронцову, и такъ какъ административнымъ центромъ стала Одесса, то Пушкинъ былъ переведенъ туда въ канцелярію Воронцова. Поэта манила жизнь въ приморскомъ городѣ съ итальянской оперой, но онъ вскорѣ разочаровался, такъ какъ въ Одессѣ не могло быть той свободы и простоты въ служебныхъ отношеніяхъ, которыми онъ пользовался въ Кишиневѣ. Воронцовъ относился къ нему, какъ къ чиновнику, а не какъ къ поэту, и это оскорбляло Пушкина; получивъ отъ Воронцова командировку въ степи для изслѣдованія саранчи, Пушкинъ вмѣсто дѣловой бумаги прислалъ ему шуточный рапортъ:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла;
Сидѣла, сидѣла — все съѣла
И вновь улетѣла.

Когда до Воронцова дошли написанныя на него Пушкинымъ эпиграммы, онъ обратился въ Петербургъ съ просьбой объ отозваніи Пушкина. Въ это же время вольнодумное письмо Пушкина къ одному пріятелю, къ-то перехваченное на почтѣ, распространилось по Москвѣ и даже дошло до государя, который далъ приказъ исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ и отправить его въ село Михайловское, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. Такъ закончилось пребываніе поэта на югѣ, гдѣ имъ были созданы, кромѣ ряда лирическихъ стиховъ, поэмы: «Кавказскій плѣнникъ», «Братья-разбойники» (1821 г.), «Бахчисарайскій фонтанъ» (1822 г.), «Цыгачы» (1824 г.), начать «Евгеній Онѣгинъ», собрано много книгъ, народныхъ пѣсенъ и легендъ, оттолоскомъ которыхъ явилась «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» (1822 г.).

Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30 ю-

ля 1824 г., ѣхалъ безъ остановокъ въ пути и прибылъ 9-го августа въ Михайловское, гдѣ его ожидали напуганные его поведеніемъ родители, братъ и сестра. Сергѣю Львовичу былъ порученъ надзоръ за сыномъ и даже просмотръ его писемъ, но такое неестественное положеніе не могло долго длиться; разсорившись съ сыномъ, Сергѣй Львовичъ



Царскосельскій лицей во времена Пушкина.

уѣхалъ съ семьей въ Петербургъ, откуда въ ноябрѣ послалъ отказъ отъ наблюдений за сыномъ; лишь въ 1828 г., благодаря усиліямъ Дельвига, завершилась эта ссора. Надзоръ за Пушкинымъ перешелъ къ уѣздному предводителю дворянства, Пещурову, а его духовнымъ руководителемъ былъ назначенъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря. Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ напоминаетъ жизнь Онѣгина, описанную въ 4 главахъ романа. Единственными близкими ему людьми были — няня Арина Родионовна и семейство сосѣдки по имѣнію, Осиповой, нашедшее сильный откликъ въ поэзіи Пушкина; у Осиповой въ Тригорскомъ поэтъ проводилъ цѣлые дни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ началъ увлекаться Шекспиромъ, его простотой и реализмомъ въ изображеніи характеровъ, и это увлеченіе гениальнымъ драматургомъ благотворно отразилось на творчествѣ Пушкина: въ 1825 г. онъ написалъ драму «Борисъ Годуновъ», воскрешающую древнюю Русь и старинную русскую рѣчь. Тамъ же Пушкинъ написалъ 4 главы «Евгенія Онѣгина», ярче всего отразившаго душевную жизнь поэта за 9 лѣтъ, «Графа Нулина», стихо-

творную часть «Египетскихъ ночей» и рядъ мелкихъ произведеній.

Но насильственное пребываніе въ деревнѣ тяготило поэта, и онъ, какъ еще и въ Одессѣ, часто мечталъ о бѣгствѣ за границу и даже строилъ различные планы бѣгства, которымъ не суждено было осуществиться. Когда послѣ смерти Александра I, 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе, въ которомъ были замѣшаны многіе друзья Пушкина, онъ спѣшно покинулъ Михайловское, но вернулся домой изъ-за дурныхъ примѣтъ: встрѣчи со священникомъ и зайцемъ. Узнавъ, какъ плохо для оставшихъ окончился бунтъ, Пушкинъ сжегъ все, что могло бросить на него тѣнь. Наконецъ онъ рѣшилъ обратиться къ новому государю съ просьбой освободить его и позволить ему лѣчиться въ Москвѣ, Петербургѣ или за границей. 28 августа 1826 г. государь приказалъ препроводить Пушкина съ фельдъегеремъ въ Москву, и поэтъ такъ быстро покинулъ Михайловское, что напугалъ и няню, и сосѣдей. Сразу съ дороги поэтъ явился въ Кремль къ Николаю I и былъ имъ милостиво принятъ, что стало вскорѣ извѣстно всей Москвѣ.

Пушкина начали восторженно принимать; онъ сошелся съ московскими литераторами и читалъ имъ «Бориса Годунова», вызвавшего бурю восторга. Но поэту вскорѣ пришлось разочароваться, такъ какъ свобода его оказалась весьма ограниченной — еще при встрѣчѣ съ нимъ государь заявилъ ему: «отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ», и Пушкинъ не имѣлъ права никому читать рукописей до просмотра ихъ государемъ. Получивъ строгое внушеніе отъ шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, узнаваго о томъ, что поэтъ читалъ въ обществѣ «Бориса Годунова», онъ послалъ государю свою трагедію и приготовленные къ печати стихи: «Анчаръ», «Стансы», «Фаустъ», 3 главу «Евгенія Онѣгина», «Друзьямъ» и «Пѣсню о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромѣ двухъ послѣднихъ, были возвращены поэту и разрѣшены къ печати; «Бориса Годунова», по желанію государя, Пушкинъ долженъ былъ исправить; и въ результатѣ, это произведеніе увидѣло свѣтъ лишь въ 1831 г. По заказу государя, Пушкинъ написалъ «Записку о народ-

номъ воспитаніи» и въ отвѣтъ получилъ внушеніе отъ Бенкендорфа. Къ поэту относились съ подозрѣніемъ; онъ нигде не могъ уѣхать безъ разрѣшенія; за нимъ даже былъ установленъ тайный полицейскій надзоръ. Немудрено, что настроеніе поэта дѣлалось все болѣе мрачнымъ, и въ день своего рожденія, въ 1828 г., онъ восклицаетъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

И въ этомъ же году пишетъ свое «Предчувствіе». Въ мартѣ 1829 г. поэтъ самовольно уѣхалъ на Кавказъ, въ русскій лагерь подъ Эрзерумомъ, гдѣ былъ подъ неприятельскими пулями. Плодомъ этой поѣздки явилось «Путешествіе въ Эрзерумъ». Вызванъ былъ этотъ неожиданный отъѣздъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ на предложеніе, сдѣланное имъ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой; въ мартѣ 1830 г. поэтъ снова безъ разрѣшенія переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ возобновилъ прежнія свои исканія, но на этотъ разъ успѣшно: въ день Воскресенія Христова, 21 апрѣля 1830 г., онъ сталъ женихомъ Натальи Николаевны. Лѣтомъ онъ вернулся въ Петербургъ, чтобы привести въ порядокъ дѣла; отецъ выдѣлилъ ему часть своего родового имѣнія Болдина, Нижегородской губерніи; тамъ поэтъ провелъ осень и часть зимы 1830 г., будучи отрѣзаннымъ отъ родныхъ карантинномъ по случаю холеры. Лишь въ декабрѣ Пушкинъ смогъ вернуться въ Москву, гдѣ началъ готовиться къ женитбѣ съ той, «передъ святыней красоты» которой онъ благоговѣлъ. 18 февраля 1831 г. они были обвѣнчаны.

Эти годы странствій были самыми плодотворными въ творческой дѣятельности Пушкина. Еще лѣтомъ 1827 г. онъ написалъ историческую повѣсть «Арапъ Петра Великаго» и осенью того же года, въ Петербургѣ, въ 13 дней создалъ «Полтаву»; оба эти произведенія указываютъ на интересъ Пушкина къ исторіи и на преклоненіе передъ Петромъ Великимъ. Необычайно плодотворна была осень 1830 г. въ Болдинѣ, гдѣ поэтъ за два-три мѣсяца написалъ: двѣ послѣднія главы «Евгенія Онѣгина», «Домикъ въ Коломеннѣ», драматическія сцены — «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость» и «Пиръ во время чумы», «По-



Лицейскій рисунокъ Пушкина.

вѣсти Бѣлкина», «Исторію села Горохина», или, по послѣднимъ версіямъ, «Горюхина» и, наконецъ, около 30 стиховъ; стихотвореніе «Осень» ярко передаетъ пробужденіе творческихъ силъ поэта въ любимую имъ пору увяданія природы.

Проживъ до весны въ Москвѣ, новобрачные, послѣ Пасхи, поѣхали на дачу въ Царское Село, гдѣ въ это лѣто проживалъ ѿ Жуковский. Состязаясь съ Жуковскимъ, Пушкинъ написалъ сказки «О царѣ Салтанѣ», «О погѣ и работникѣ его Валдѣ» и патріотическія стихотворенія — «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинскую годовщину», не прошедшія безслѣдно: 14 ноября 1831 г. Пушкинъ былъ зачисленъ на государственную службу и получилъ доступъ въ архивъ для изученія исторіи Петра Великаго; 7 января слѣдующаго года Пушкинъ былъ принятъ въ Академію. Работая въ архивѣ, поэтъ заинтересовался Пугачевскимъ бунтомъ; кѣ осени 1833 г. у него уже былъ готовъ матеріалъ для «Исторіи Пугачевского бунта», написана вчергѣ «Капитанская дочка», отдѣланы «Русалка» и «Дубровскій». Осенью 1833 г. поэтъ посѣтилъ всѣ мѣста, ознаменованныя Пугачевскимъ бунтомъ, въ Казанской, Сим-

бирской, Пензенской и Оренбургской губерніяхъ. 2 октября поэтъ вернулся въ Болдино и лишь въ концѣ ноября возвратился на службу въ Петербургъ. Въ это время имъ были закончены «Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ», «Пѣсни западныхъ славянъ», «Мѣдный всадникъ», котораго цензура не пропустила въ печать, и «Исторія Пугачевского бунта», за которую Пушкинъ получилъ отъ государя деньги на изданіе книги и званіе камеръ-юнкера. Это званіе, бывшее Пушкину не по лѣтамъ, больно уязвило его самолюбіе и навязало ему обязательную придворную жизнь, связанную съ выѣздами и расходами; между тѣмъ, денежные дѣла его приходили все въ большій упадокъ, и, чтобы ихъ нѣсколько поправить, Пушкинъ въ послѣдній годъ жизни предпринялъ ежемѣсячный журналъ «Современникъ». Враговъ литературныхъ и свѣтскихъ у Пушкина было немало; опека графа Бенкендорфа и просмотръ его писемъ продолжались до самой его смерти. Мучительное душевное состояніе поэта отразилось въ его поэзіи послѣднихъ лѣтъ; но грусть великаго поэта и человѣка не была безысходной, — чувствуется ясность мудраго взгляда на жизнь, примиреніе съ ея порядкомъ. Съ юностью поэтъ простился еще въ 6 главѣ «Онѣгина», а въ написанномъ осенью 1835 г. въ Михайловскомъ стихотвореніи «Вновь я посѣтилъ» поэтъ признаетъ права новаго молодого поколѣнія. Стремленіе къ высшей, одному художнику доступной свободѣ началось въ «Изъ VI Пиндемонте» 1836 г.:

... никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для
ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни
шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и
тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красо-
тамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдох-
новенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ уми-
ленья —
Вотъ счастье! Вотъ права!...

«На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля», восклицаетъ поэтъ въ своемъ

послѣднемъ посланіи «Къ женѣ». Въ томъ же 1835 г. поэтъ, казавшійся безбожникомъ, облакаетъ въ стихотворную форму молитву, которая «всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста».

Травля и сплетни довели болѣзненно-самолюбиваго поэта до дуэли съ французскимъ подданнымъ, кавалергардомъ барономъ Геккерномъ Дантесомъ, состоявшейся 27 января 1837 г. за Черной рѣчкой въ 5 часу дня. Смертельно раненаго Пушкина привезли въ домъ на Мойкѣ, гдѣ онъ жилъ, и слухъ о дуэли съ поразительной быстротой разнесся по городу. Толпа народу осаждала его домъ, къ которому пришлось поставить караулъ. Пушкинъ очень страдалъ; сознание не покидало его до послѣдней минуты; зная о близкой смерти, онъ причастился и 29 января утромъ тихо

уснулъ навсегда. Извѣстіе о смерти гениальнаго русскаго поэта отъ руки иностранца вызвало сильное волненіе въ городѣ: стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина распространялось въ тысячахъ экземплярахъ. Во избѣжаніе столкновеній, тѣло поэта въ Конюшенную церковь перевезли вечеромъ, а послѣ отпѣванія, на которое доступъ былъ только по пригласительнымъ билетамъ, было заперто въ подвалѣ церкви. 3 февраля ночью гробъ, въ сопровожденіи Тургенева и жандармовъ, былъ перевезенъ въ Святогорскій монастырь, гдѣ тѣло поэта погребли на выбранномъ имъ за годъ до смерти мѣстѣ, возлѣ его матери. Тамъ возвышается бѣлый мраморный памятникъ съ надписью: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ».

Изъ стихотвореній А. С. Пушкина.

Муза.

Въ младенчествѣ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И радуя меня наградю случайной,
Откинувъ локоны отъ милого чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

1821 г.

Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
Далекій вождельанный берегъ!

Туда-бъ, сказавъ «прости» уще-
люю,
Подняться въ вольной вышины;
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

1829 г.

Изъ «Бахчисарайскаго фонтана».

Цвѣтокъ.

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу, и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край, очей отрада,
 Все живо тамъ: холмы, лѣса,
 Яитарь и яхонтъ винограда,
 Долинъ пріютная краса,
 И струй, и тополей прохлада —
 Все чувство путника манить,
 Когда, въ часъ утра безмятежный,
 Въ горахъ, дорогою прибрежной,
 Привычный конь его бѣжитъ,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
 Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Цвѣтокъ засохшій, бездыханный,
 Забытый въ книгѣ вижу я;
 И вотъ уже мечтою странной
 Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
 И долго-ль цвѣлъ? и сорванъ
 кѣмъ?

Чужой, знакомой-ли рукою?
 И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго-ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Иль одинокаго гулянья
 Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ-ли тотъ, и та жива-ли?
 И нынче гдѣ ихъ уголокъ?

Или уже они увяли,
 Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

1828 г.

Домовому.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой,
 И скромную семью моей обитель!
 Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
 И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
 Да въ пору благотворны снѣги
 Покроютъ влажный тукъ полей!
 Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
 Постигни робостью полуночнаго вора,
 И отъ недружескаго взора
 Счастливый домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ,
 И сей укромный огородъ
 Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скатъ холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

1819 г.

Памяти Пушкина.

Л Ъ С Ъ.

Что, дремучій лѣсъ,
 Призадумался?
 Грустью темною
 Затуманился?
 Что Бова-силачъ
 Заколдованный,
 Съ непокрытою
 Головой въ бою,
 Ты стоишь — пониже.
 И не ратуешь
 Съ мимолетною
 Тучей-бурею?
 Густолиственный
 Твой зеленый шлемъ
 Буйный вихрь сорвалъ.
 И разсѣялъ въ прахъ;
 Плащъ упалъ къ ногамъ.
 И разсыпался...
 Ты стоишь — пониже.
 И не ратуешь.
 Гдѣ жъ дѣвалася
 Рѣчь высокая,
 Сила гордая,
 Доблесть царская?
 У тебя-ль, было,
 Въ ночь безмолвную,
 Заливная пѣснь
 Соловьиная...
 У тебя-ль, было,
 Дни — роскошество:
 Другъ и недругъ твой
 Прохлаждаются...
 У тебя-ль, было,
 Поздно вечеромъ
 Грозно съ бурей
 Разговоръ поидеть;
 Распахнетъ она
 Тучу черную,
 Обойметъ тебя
 Вѣтромъ — холодомъ...
 И ты молвишь ей

Шумнымъ голосомъ:
 «Вороти назадъ!
 Держи около!»
 Закружитъ она,
 Разыграется...
 Дрогнетъ грудь твою,
 Зашатаешься;
 Встрепенувшись,
 Разбушуешься:
 Только свистъ кругомъ,
 Голоса и гулъ...
 Буря всплachtetся
 Лѣшимъ, вѣдьмою, —
 И несетъ свои
 Тучи за море.
 Гдѣ жъ теперь твою
 Мочь зеленая?
 Почернѣлъ ты весь,
 Затуманился...
 Одичалъ, замолкъ...
 Только въ непогодъ
 Воешь жалобу
 На безвременье...
 Такъ-то темный лѣсъ,
 Богатырь-Бова!
 Ты всю жизнь свою
 Маялъ битвами;
 Не осилили
 Тебя сильные,
 Такъ дорѣзала
 Осень черная.
 Знать, во время сна
 Къ безоружному
 Силы вражьи
 Понахлынули;
 Съ богатырскихъ плечъ
 Сняли голову —
 Не большой горой,
 А соломенкой...

А. Кольцовъ.

1837 г.

* * *

Въ лицѣ его сходилъ на землю къ
 намъ самъ геній
 И міру далъ скрижалъ небесныхъ
 пѣснопѣній.

Мартыановъ.

Одинъ изъ очаговъ русской культуры.

Гимназія въ Тшебовѣ, Чехословакія.

Я хочу вамъ разсказать про самую большую русскую гимназію за границей. Отроду ей 6 лѣтъ, это — почтенный возрастъ по теперешнимъ условіямъ.

5 лѣтъ тому назадъ гимназія пріѣхала изъ Константинополя съ 600 учениковъ и ученицъ, и вѣзмъ переселомъ. Въ

ленькій, но чистенькій городокъ. Всѣ учащіеся и преподаватели живутъ въ гимназіи. Есть своя церковь, больница, театръ, химическая лабораторія, физическій кабинетъ, рисовальный классъ, мастерскія, оранжереи и т. п.

Гимназисты и гимназистки здѣсь разные. Есть уже большая компанія солид-



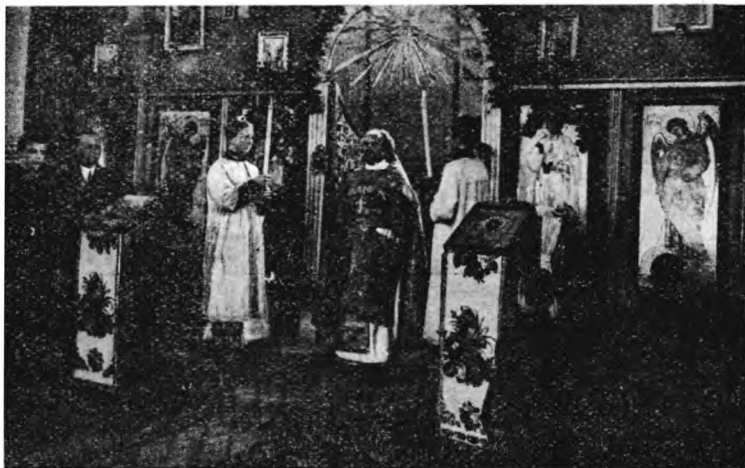
Общій видъ гимназическихъ зданій.

Чехин 400 человекъ кончили курсъ и учатся сейчасъ въ высшихъ школахъ, получая стипендіи; поступило столько же, и потому народу оцять много. Всѣ средства на содержаніе гимназіи отпускаетъ чехословацкое правительство. Гимназія занимаетъ б. военный лагерь, больше 30 домовъ. Кругомъ красивые холмы, поросшіе лѣсомъ. Рядомъ ма-

лыхъ людей, усердно трудящихся надъ сложными науками дѣтскаго сада. Ихъ число все увеличивается. На вопросъ: сколько лѣтъ? — они всегда скажутъ: «сестъ». Это неправда: иногда меньше, но сознаться нельзя, все-таки гимназистъ, хотя такимъ длинныхъ брюкъ не даютъ, и бѣгаютъ они съ голыми колѣнями. Зато въ 8 и 7 классахъ еще оста-



Малыши въ столовой.



Гимназическая церковь. Иконостасъ привезенъ изъ Константинополя (работа воспитанниковъ гимназiи).

лось нѣсколько «стариковъ», — они бредутъ каждый день и тоже не любятъ вопросовъ о возрастѣ.

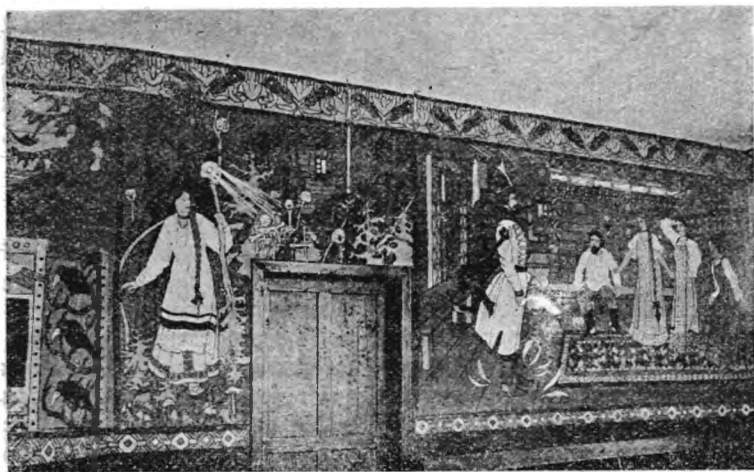
Гимназистокъ сейчасъ около 200 человекъ, это народъ веселый и любитъ потанцовать, хотя новѣйшіе танцы строго воспрещены.

Не одобряетъ гимназія и стриженныхъ затылковъ, но, сами понимаете, мода выше всего, и въ прошломъ году у многихъ вдругъ почему-то начали портиться косы, и онѣ ухитрились вернуться послѣ каникулъ «съ микадо». Это такое приспособленіе для подзатыльниковъ. Теперь у нихъ головы ни то, ни се.

Учиться вѣкъ приходится много. Рус-

скій человекъ долженъ теперь умѣть говорить на всѣхъ языкахъ. А тутъ еще латынь, много математики, черченіе, наша русская исторія, литература и географія. На выпускныхъ экзаменахъ бываетъ представитель чешскаго министерства. Выпуски большіе — 160, 100, 80 человекъ.

Какъ ни обременяютъ науки, время остается и для творчества поэтовъ, писателей, актеровъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и балеринъ. Гимназическій хоръ даже выѣзжаетъ на гастроли и всегда удачно. Нѣсколько разъ въ году бываютъ спектакли, при чемъ наибольшимъ успѣхомъ пользуются злободневныя обо-



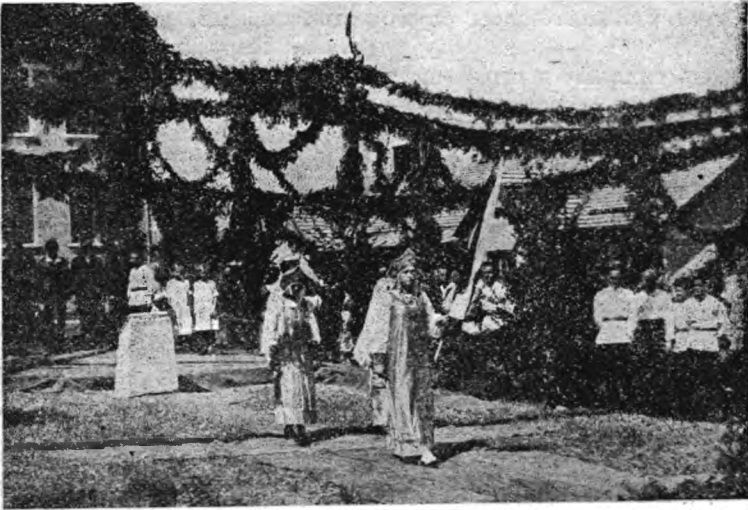
Гимназическій театр. Стѣны расписаны воспитанниками.

зрѣнія собственнаго сочиненія г. г. исполнителей. По субботамъ часто приѣзжаютъ изъ Праги русскіе профессора читать лекціи, или русскіе артисты.

Два года тому назадъ гимназія очень увлекалась рукописными журналами,

идти въ такой азартъ, что теперь играть съ пѣмцами запрещено. Есть въ гимназіи и свой теннисъ, а зимой катокъ и горы для саней. Гимназическій кружокъ туристовъ пѣшкомъ исколесилъ почти всю Моравію, ѣздилъ въ Прагу,

Хоръ и оркестръ гимназіи.



Освященіе памятника Русской Культуры.

которые издавали въ краскахъ, съ множествомъ рисунковъ.

Конечно, процвѣтаетъ у насъ и футболъ. Есть заядлые любители. Недавно малыши блестяще обыграли 6-тиклассниковъ и сейчасъ ходятъ преважные. Городское футбольное поле — у самой гимназіи, и тамъ устраиваются иногда серьезныя состязанія съ приѣзжими и мѣстными командами. Публика прихо-

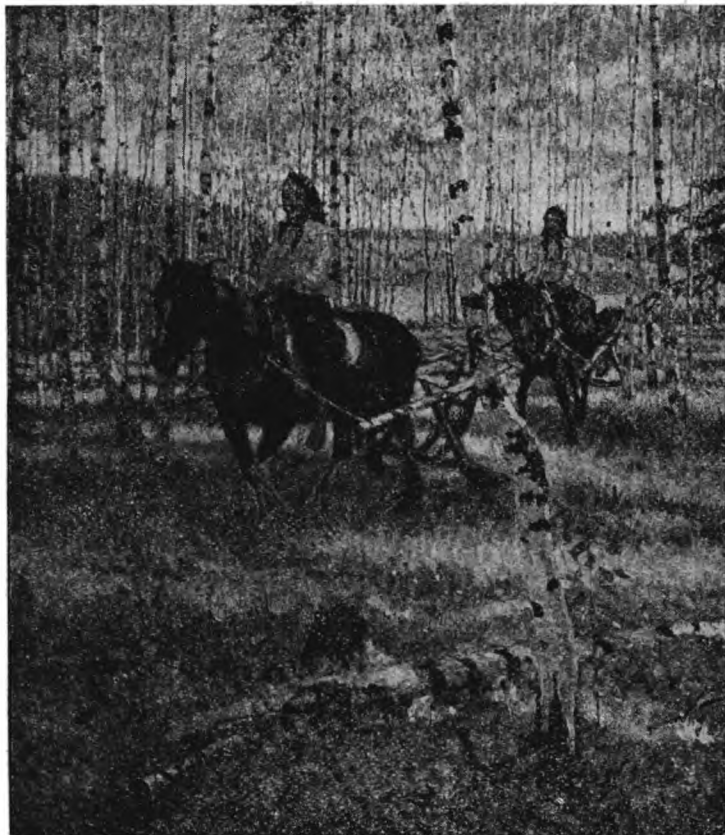
дуть въ такой азартъ, что теперь играть съ пѣмцами запрещено. Есть въ гимназіи и свой теннисъ, а зимой катокъ и горы для саней. Гимназическій кружокъ туристовъ пѣшкомъ исколесилъ почти всю Моравію, ѣздилъ въ Прагу, Чешскій Рай, смотрѣлъ сталактитовыя пещеры у Брна. У туристовъ есть ботаники, зоологи, минералогіи; они «потрошатъ», собираютъ коллекціи, гербаріи и ежегодно устраиваютъ торжественныя выставки своихъ работъ. Много въ гимназіи и «соколовъ». Они регулярно занимаются гимнастикой (есть свой прекрасно оборудованный залъ), ѣздить на состязанія и лѣтомъ будутъ въ Прагѣ

на общемъ слѣтѣ, гдѣ соберется свыше 100 тысячъ участниковъ. Дѣвочки не отстаютъ. Онѣ тоже «работаютъ» на аппаратахъ. Правда, иногда, въ критическій моментъ ихъ приходится незамѣтно поддержать или подтолкнуть, но это я сообщаю по секрету. Специалисты-чехи въ такихъ случаяхъ отворачиваются. Могу сказать еще: въ самомъ дѣлѣ бываетъ трудно.

Какъ видите, живется довольно весело. «Настоящая у насъ русская деревня Тшебовка», говорятъ гимназисты. Есть, конечно, среди насъ и грустные. Много пришлось перенести дѣтямъ и въ Россіи, и за границей, побывать и въ Африкѣ, и въ Азіи. Есть гимназисты и гимна-

зистки съ о. Явы, изъ Токио, изъ Шанхая, Лондона, Румыніи и т. п. У многихъ нѣтъ родныхъ, у другихъ они въ Россіи, Турціи, Сербіи, Болгаріи. Безъ мамы вѣдь всегда тяжело, особенно маленькимъ. Есть на здѣшнемъ кладбищѣ и дѣлый рядъ русскихъ крестовъ. Со всѣмъ недавно умерла въ санаторіи одна изъ восьмиклассницъ отъ туберкулеза. А все-таки, если понадете въ гимназію, особенно въ солнечный день, всюду бѣгаютъ, смѣются, играютъ и кричатъ. Со всѣмъ неплохо. Хорошо было бы, если бы и вы написали про свои школы. Всѣмъ интересно узнать, какъ живутъ сейчасъ русскіе мальчики и дѣвочки по разнымъ странамъ.

Изъ альбома русскихъ художниковъ.

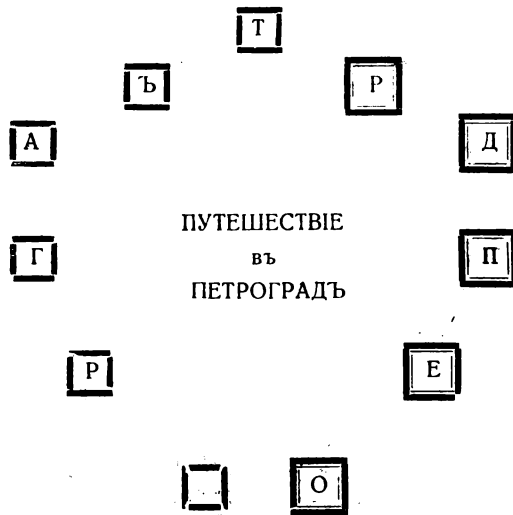


На работу.

Карт. акад. Н. П. Богданова-Бѣльскаго.

КОНКУРСЪ.

Задача № 30.



Путешествіе въ Петроградъ.

На рисунокѣ изображенъ многоугольникъ съ одиннадцатью станціями. На десяти изъ нихъ расположены буквы: Р, Г, А, Ъ, Т, Р, Д, П, Е и О. Эти буквы могутъ передвигаться на сосѣднія станціи, если таковыя свободны, или же могутъ перескакивать черезъ одну сосѣдную станцію на свободное мѣсто. Но не всѣ буквы могутъ двигаться въ одинаковомъ направленіи. Буквы, помѣщенные въ двойной рамкѣ (Р, Д, П, Е, О) движутся «по солнцу», то-есть по движенію часовой стрѣлки, тогда какъ остальные буквы могутъ

двигаться только «противъ солнца». Надо такъ перемѣстить буквы, чтобы онѣ составили слово «ПЕТРОГРАДЪ» (читая по движенію часовой стрѣлки), при чемъ пустая станція должна оказаться опять внизу. — Во сколько ходовъ можно рѣшить задачу? Въ какомъ порядкѣ нужно передвигать буквы?

Фамилин, правильно рѣшившихъ задачу, будутъ помѣщены въ 12—13 номерѣ «Юнаго Читателя». Между ними будутъ распределены по жребію пять премій.

Рѣшеніе задачи № 26 «Наборщикъ-грамотей» въ № 7 «Юнаго Читателя».

Наборщикъ разсыпалъ отрывокъ изъ басни Крылова «Зеркало и обезьяна»:

«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?»

Правильныя рѣшенія прислали: Болгарія, Софія — Т. Карпинская; Германія, Берлинъ — В. Бухштабъ, М. Ф. Кеппенъ; Латвія, Валкъ — А. Данилевскій; Велены — В. Дукальскій; Двинскъ — Библиот. кружокъ 2-ой русск. основн. школы, Ч. Буценникъ, А. Васюкова, В. Карповъ, М. Кормиль-

цевъ, В. Миловскій, О. Мухарскій-Некрасовъ, С. Пантелѣевъ, Н. Сапего; Крейцбургъ — Н. Кличковъ; Либавъ — Ф. Андабурскій; Митава — Е. Мартенсъ, «Сибирякъ»; Рига — «З. А.», О. Амосовъ, А. Балейшисъ, Д. Бравинъ, С. Бѣлогрудовъ, М. Бѣлосельская, М. Вульфсонъ, М. Гартъе, М. Гельманъ, А. Даниловъ-Милковскій, Деткя, В. Дорнгеймъ, Н. Другановъ, Н. Жиделева, Н. Зуенокъ, «Акц. О-во Бр. Илюкевичи», Т. Ильинская, Л. Калье, А. Канъ, П. и Р. Кажданъ, Г. Кемпау, Д. Кисснитъ,

Г. Корпъ, В. Кривошапкинъ, Ф. Кулачковскій, В. Лавриновичъ, Р. Лушинъ, В. Массанъ, «Мурзилка», А. Никапоровъ, П. Розенбергъ, В. Рингенбергъ, Л. Сазоновъ, Б. Секундо, М. Хавкинъ, А. Чирухинъ, С. Штейнманъ, Д. Эллипоръ, К. Эльцъ; Рѣжица — «Ашамъ Анизребъ», Д. Богорадь, «Джимъ-Джо», Е. Михайловскій, Г. Синицынъ, С. Соловьевъ, И. Терентьевъ, Е. Шуткова; Шмарденъ — И. Лерхе; Литва, Ковно — Б. Розенбергъ, Ч. Бурба; Хринчины — М. Мацкупастъ; Польша, Ровно — Г. Глейхъ; Сербія, Бѣлградъ — Е. Козинскій, М. Тимашевъ, В. Хорватъ; Финляндія, Гельсингфорсъ — М. Савченко; Эстонія, Ревель — А. Пан-ловъ, Н. Щегловъ; Юрьевъ — А. Рындинъ.

5 премій выпали по жребію слѣдующимъ лицамъ (изъ общаго числа 77 участниковъ, приславшихъ рѣшенія въ срокъ):

1. Ч. Бурба, Ковно, Лайсвесь аллея № 45.

2. Викторъ Бухштабъ, Берлинъ, Пфальцбургерштр. 84, III.

3. Евгений Михайловскій, Рѣжица, И основн. русская школа.

4. Алексѣй Рыпдинъ, Юрьевъ, Яковлевская 4, кв. 4.

5. Владиміръ Хорватъ, Бѣлградъ, Босанска ул. № 87.

Въ виду того, что на Ригу, давшую абсолютное большинство вѣрныхъ рѣшеній (39), по капризу судьбы, не выпало ни одной преміи, число премій съ 5 было повышено до 7, при чемъ двѣ дополнительные преміи получили:

6. Николай Другановъ, Рига, Мирная ул. № 8, кв. 27.

7. Нина Жиделева, Рига, М. Кузнечная 14, кв. 2.

Означеннымъ семи лицамъ высланы заказною почтою семь премій.

Конкурсъ подписчиковъ.

Срокъ присылки рѣшеній и списка подписчиковъ — 15 июня с. г.

Въ третьей задачѣ (№ 29), въ визитной карточкѣ № 8, первая буква имени должна быть **Н**, а не **К**. Въ карточкѣ

№ 10 фамилія сіятельнаго графа должна быть **Лачекъ**, а не Лачека. Но эти опечатки, повидимому, не помѣшали большинству рѣшить вѣрно эту задачу.

Присужденіе премій.

Присужденіе премій по большому конкурсу «Юнаго Читателя» состоится 20-го мая въ 6 час. вечера въ выставочномъ помѣщеніи книжнаго магазина В. П. Ромаповскаго, Николаевская ул.

№ 17.

Доступъ имѣютъ только наши читатели, по предъявленіи особаго талона, помѣщеннаго въ этомъ номерѣ.

Почтовый ящикъ „Юнаго Читателя“.

Л. Шенкману. Ваша сказка, хорошо задуманная, будетъ въ свое время напечатана; стихи же вамъ, очевидно, не удаются.

Маріи Винокуровой. Ваши стихи написаны съ большимъ настроеніемъ; они будутъ напечатаны, хотя не всѣ одновременно, т. к. юнымъ авторамъ приходится соблюдать очередь.

Б. Секундо. Отвѣты на Ваши вопросы напечатаны въ № 7 журнала.

А. Канну. Какъ видно изъ самаго названія конкурса, надо быть подписчикомъ, иначе всѣ преміи получило бы Телеграфн. Агентство «Лета», распространяющее нашъ журналъ по всей провинціи.

Талонъ къ задачъ № 30.

Послѣдній срокъ отправки этого талона и рѣшенія 15 юня.

Имя и фамилія

Адресъ

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не разсматриваются.

**Талонъ на посѣщеніе засѣданія жюри
по присужденію премій Большого Конкурса «Юнаго Читателя».**

Имя и фамилія

Адресъ

Талонъ предъявляется при входѣ.



? Что подарить моему ребенку ?

Новѣйшія, полезныя

занятія и игры

для дѣтей всѣхъ возрастовъ

Вы найдете въ институтъ учебныхъ пособій

„Песталоцци“

Уголь Известковой и Ратушной пл. № 15

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ вниманіе русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока! страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ ПО
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премію въ сто латъ (5000 рублѣй). * Особое приложеніе: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), $\frac{1}{2}$ года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 36-12
Текущій счетъ на почтъ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Двухнедѣльн. иллюстрированный литературно-художественн. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандъ, Ю. Г. Рыковский и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. № начиная съ № 14 — 50 руб. въ Латвіи, 25 ам. ц. загр. **Подписная плата съ 1 марта на 3 мѣсяца** въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер. **На 1 мѣсяцъ** въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 лит., за границей — 50 ам. цент. Подписная плата за **комплекты Январь-Февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., въ Эстоніи — 400 эст мар., въ Литвѣ — 12 лит., загр. — 1 дол. 25 цент. **Комплекты за 1925 г.** — №№ 1—8 высылается: за 6 лат. въ Латвіи, 15 лит. въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. ам. за границу. Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 916“.

Открыта подписка на большую ежедневную русскую газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Аки. Общества „Саламандра“, Рига (Латвія), 6. Кузнечная 43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацію и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи. * Въ „СЛОВѣ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * **Подписн. цѣна:** въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяцъ, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ.

Пріемъ объявленій открытъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

Вышелъ вып. 1-ый: А. С. Пушкинъ. „Капитанская дочка“ — цѣна 60 сант. (30 руб.)

Вышелъ вып. 2-ой: Н. В. Гоголь. „Тарасъ Бульба“.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 36-12.

ОПТИКА и ВСЬ
принадлежности для фотографіи
Рига, Бульв. Аспазіи № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во „ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“ Акц. О-во

уголь Театральной ул. и бульв. Аспазіи.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодилъ
Гриввудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждановъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Иликъ
Истмень. Охиджеза
Куперь. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопытъ
Маленькій король
Слоникъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофманъ. Щелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковскій. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форслундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихоть
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранныя рассказы.

Для юношества:

Альбановъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гединъ. Багдадъ
— Въ Тибетъ
— Іерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.